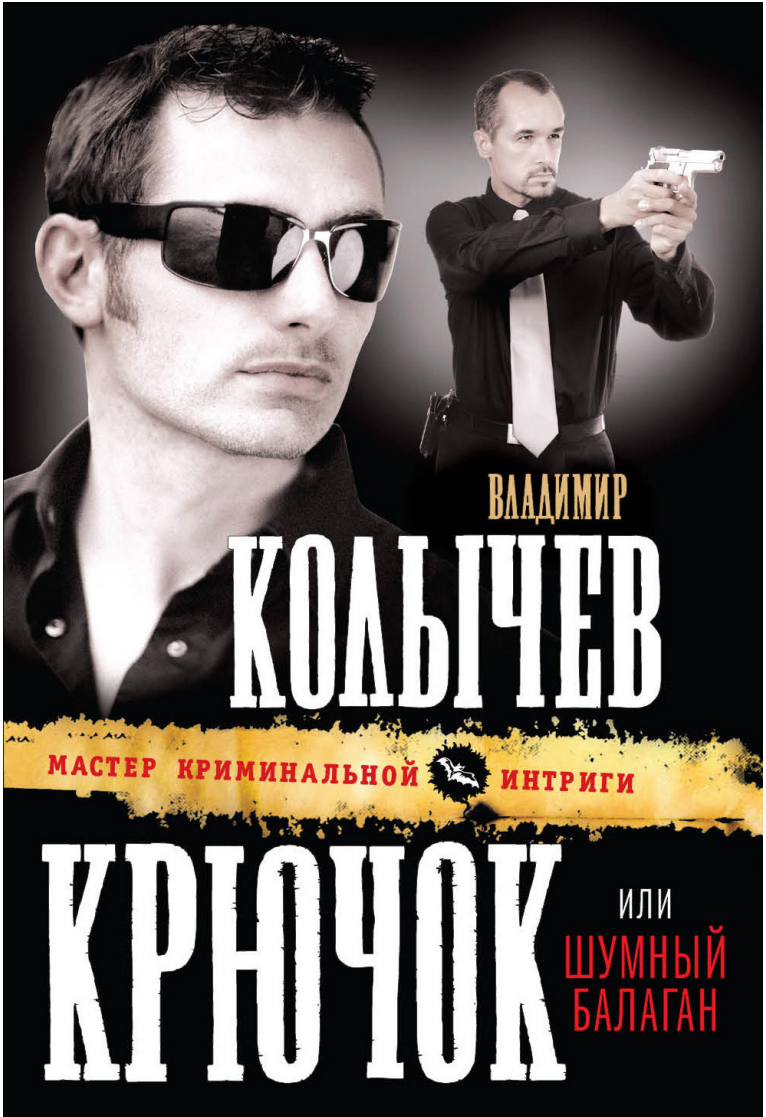
ВЛАДИМИР
КОЛЫЧЕВ
МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ИНТРИГИ
КРЮЧОК
или
ШУМНЫЙ БАЛАГАН

Владимир Григорьевич Колычев

Шумный балаган

Серия «Колычев. Мастер криминальной интриги»

Серия «Колычев. Русский шансон»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164923
Владимир Колычев. Шумный балаган: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-19988-4, 5-699-19988-8

Аннотация

Костя Любимов хоть и молод, а в схватке один на один завалил матерого уголовника Цепеня. А после, на зоне не сломался – к воровской масти не пристал и ни перед кем не прогнулся. На воле труднее. Хочешь иметь свой бизнес – отстегивай бабки бандитам или вступай с ними в жестокую беспощадную войну. Войны Костя не боится, на удар отвечает двумя, сам пощады не просит, но и никого не щадит. Вроде бы бандиты это поняли и угомонились, но чудом выживший Цепень, как разъяренный бык, не остановится ни перед чем. Ему надо растоптать Костю, насладиться его унижением, и только потом убить. У Цепеня есть крючок, которым он обязательно должен зацепить этого баловня фортуны…

Содержание

Часть первая 5
Глава 1 5
1 5
2 16
Глава 2 25
1 25
2 34
Глава 3 47
1 47
2 60
3 62
Глава 4 69
1 69
2 76
3 79
4 83
Глава 5 90
1 90
2 97
3 101
4 103
Глава 6 109
1 109

Владимир Колычев
Шумный балаган

Часть первая

Глава 1

1

Кефаль – рыба вкусная. Особенно хороша кефаль черноморская. Каспийская вроде бы покрупней, но не такая жирная. А у этой мясо белое, вкусное, надоедливых мелких костей нет… В общем, всем хороша рыбешка. Но вкусней всего кефаль вяленая, копченая. Особенно если под пиво…

Олег Ковтун знал толк в рыбе. Который год ею уже торгует. И все на одном и том же рынке. Раньше – полулегально, сейчас – почти на законных основаниях. Спасибо Горбачеву с его перестройкой. Теперь Олег – кооператор. Правда, рыбу на реализацию берет в основном у «темных» поставщиков. Но с дирекцией рынка у него все на мази, а этого вполне достаточно, чтобы ему не мешали делать свое дело. И он его делал. Вполне успешно…

Разумеется, торговал не только кефалью. На прилавке у него – дары Черного моря. И сарган, и луфарь, и ставрида, и камбала-калкан… И свежая рыба, и копченая, и вяленая… На данный момент лучше всего идет копченая кефаль. С недавних пор этот товар ему поставляли местные пацаны. Зеленая поросль. Самому старшему – лет восемнадцать, и то скорее на вид, чем по паспорту. Но дело свое пацаны знают отлично. Сами ловят, сами коптят. Здорово у них это получается. Рыба как на подбор – жирная, мясистая, без червяков и личинок. Люди не дураки, они быстро разбираются, где белое, а где черное. Поэтому копченые лобаны и пеленгасы уходят влет. Да и остальной товар не залеживается.

Торговля начиналась с раннего утра. Свежая рыба – такой товар, что жары не любит. Впрочем, Олегу не было нужды торопиться. Не получилось у него сегодня со свежей рыбой – основные поставщики подвели. А балыками да воблами можно круглые сутки торговать, что с ними случится…

– Олег Алексеевич…

Олег вздрогнул от неожиданности. Он развешивал товар над прилавком, вокруг никого.

– Костя?! Ты как из-под земли…

Он облегченно вздохнул. Ничего сверхъестественного не произошло. Просто у Кости привычка такая дурная – подкрадываться к людям незаметно. И привычка, и мастерство. Как будто он охотник, а не рыбак. Впрочем, и рыбак тоже должен уметь вести себя бесшумно. Особенно, если он зани-

мается кефалью. Эта пугливая рыба не терпит суеты вокруг себя.

Парень безмятежно пожал плечами.

– Да не знаю, просто подошел…

Он самый старший из компании. Симпатичный, надо сказать, хлопец. В том плане, что с ним легко общаться. Открытый взгляд, улыбчивое лицо. Да и девчонкам он тоже должен был нравиться. Высокий, статный, синие, как море, глаза. Одет он был по ситуации – замызганные брезентовые брюки, лоснящаяся от жира ветровка на «молнии», темно-серая кепка. Как и должно быть, от него пахло рыбой.

– Олег Алексеевич, у вас, я вижу, свежачка нет.

– А что, можешь предложить?

– Так в том-то и дело. Мы тут пеленгаса вечерком надергали.

– Сколько?

– Для вас три корзины.

Олег догадывался, что для этих пацанов он не был единственным реализатором. Ему они поставляли в основном копченую рыбу, но иногда подвозили и свежую кефаль. Сегодня свежачок был как нельзя кстати…

– Шаланды, полные кефали, в Одессу Костя привозил! – весело улыбнулся Ковтун.

– У нас не Одесса, – покачал головой парень.

– Но ты же Костя…

– И кефаль у нас отменная. Тащить?

– Ну давай.

Обычно пацаны много не просили. Поэтому Олег был уверен, что по цене они договорятся. И в качестве товара не сомневался.

Костя на некоторое время исчез. Вернулся со своими приятелями. Вчетвером они принесли три корзины. Шли через рынок без опаски, хотя их могли остановить и спросить – что и откуда. А документов на товар у них, разумеется, не было. Стопроцентно левый улов. В одной корзине рыба крупная, в другой – среднего размера, в третьей – помельче. В свежести товара сомневаться не приходилось. Наверняка ночной улов.

– А говоришь, вечерком надергали, – хитро усмехнулся Олег. – Ночью, на сети, да?

Как специалист своего дела, он разбирался не только в рыбе, но и в способах ловли. И про кефаль знал немало. Особую ценность представляли две разновидности – лобан и пеленгас. Лобан предпочитает холодную воду, поэтому старается держаться подальше от берега, а ночью так вообще далеко в море уходит. Зато пеленгас запросто может заночевать в мелкой бухте, где его можно брать голыми руками, то есть сетью.

– Не важно, – сухо ответил Костя.

Было видно, что сегодня у него настроение не в пример пасмурней, чем обычно.

– Ну не важно, так не важно. О цене поговорим?

– По сорок копеек за килограмм. А тут полтора центнера.

– Да, но рыба разная, в одной корзине большая, в других поменьше.

– Хорошо, за все про все пятьдесят целковых.

– По рукам. Деньги – после… – как о чем-то само собой разумеющемся сказал Олег.

Эти ребята – отличные рыбаки. Но коммерсанты из них никакие.

Он уже почти целый месяц работает с ними и до сих пор «завтраками» кормит. А они все ждут, когда он с ними рассчитается. Только одного балычка они ему не меньше чем на триста рубликов подрядили. И свежачка рублей на двести.

Пятьсот рублей он им задолжал, а они верят, что рано или поздно расчет все-таки состоится. Рано – не будет, а поздно – вряд ли. Сезон еще только начинается, и не факт, что пацаны смогут удержаться на плаву. Или на рыбнадзор нарвутся, или на ментов. А может, и морские пограничники повяжут. За незаконный промысел рыбы очень даже легко срок получить. Нарвутся пацаны на неприятности, и не до денег им тогда будет. И за расчетом некому будет прийти. Да и вообще кто они такие, чтобы с ними работать по-честному. Ни собственного авторитета у них, ни прикрытия. Нечего с ними церемониться.

– После не надо, – нахмурился Костя. – Сейчас давай. И за эту партию, и за все прошлые. Сколько там всего набежало?

– Да много, ребята, рублей двести, – Олег достаточно легко изобразил тяжкий вздох сожаления.

– А мне так почему-то кажется, что не двести, а гораздо больше.

– Пять сотен, – уточнил Костин дружок.

Антону лет семнадцать, среднего роста, но плечи мощные, на руках бицепсы как те ядра перекатываются – будто он целыми днями гири бросает. Но этим Олега не напугать, для него этот качок что вошь на ладони – плюнул и растер.

– Да, ну, может быть… Но дело в том, что у меня проблемы. Я же вам говорил, что времена сейчас неспокойные. Вот вы сами почему за прилавок не встаете, а? Знаете, да, как это сложно! Директору дай, ментам дай, ребята Тиграна придут, им тоже дай… Кто такой Тигран, знаете?

– Знаем, – подал голос третий паренек.

Можно было бы поразиться, с каким спокойствием он это сказал. Но Олег-то понимал, что парень даже не знал, кто такой Тигран. А если бы знал, тогда бы в его голосе прозвучали трепетные нотки. Тигран – вор в законе, и городской рынок принадлежит ему с потрохами. И тот, кто хочет работать здесь спокойно или даже работать вообще, должен с ним делиться.

– Такая вот жизнь, пацаны. Тому дай, тому дай, а рыба-то дешевая. Вот если бы я мясом торговал… А так, не поверите, на хлеб иногда не хватает.

– Ну почему же не верим? Верим, – недобро усмехнулся Костя.

И нехорошо глянул на Олега.

– Ничего, скоро все наладится. Верну сполна. Кстати, можете завтра подъехать, мне свежачок не помешает.

– Не знаю, как завтра, а вообще да, подъедем, – кивнул Антон.

На этом разговор и закончился. Незадачливые рыбаки убрались восвояси, а Олег занялся своим делом.

День задался с самого утра. Свежая форель шла нарасхват, и балычок продавался неплохо. К концу дня Олег распродал весь свой товар. Рассчитался с администрацией рынка и отправился домой.

Жил он на северной окраине Тепломорска. Не самый лучший район, в основном частный сектор. До моря далеко. От центра города добираться неудобно. Троллейбусом до остановки, а дальше пешком в гору – километра полтора. Впрочем, сложности передвижения Олега волновали мало. У него машина. На «Ниве» двадцать минут, и дома – никаких проблем. Дом, правда, затрапезный. Хибара, можно сказать. Но на свободной половине участка строится новый дом. Через годик-другой можно будет праздновать новоселье. Еще бы женой к этому времени обзавестись… Была у него жена, да лет пять назад ушла – то ли характерами не сошлись, то ли размерами. Ничего, мужик он симпатичный, деньги есть, а со временем их еще больше будет. Найдет он еще себе красотку, чтобы завязать с ней новый узелок. А пока он бобылем живет. Вдовая соседка иногда заходит, или бабу какую с рынка на ночку привезет. Но сегодня он будет ночевать один.

Устал за последнее время, отдохнуть бы.

Он уже ложился спать, когда в дверь постучали. Все правильно, темно уже на дворе, самое время для ночных визитов. Соседка Танька блудует напропалую, но исключительно в темное время суток. А днем она вроде как порядочная женщина.

– Танюха, ты? – открывая дверь, спросил Олег.

– Я! – огорошил его не самый густой и грубый, но явно мужской голос.

– Э-э! Что такое?

Олег попробовал закрыть дверь, но было уже поздно. Сильный удар в грудь сбил его с ног. Он упал на пол, больно ударившись головой о табурет.

– Олег Алексеевич, ну чего ж вы так неосторожны? – спросил знакомый голос.

Костя возвышался над ним, покачиваясь на разведенных в стороны ногах. Руки сведены за спину. Глаза светились в темноте страшным огнем.

– Костя, ты? – растерянно пробормотал Олег.

– Кто ж еще, – усмехнулся парень. – За деньгами пришел.

Вслед за ним в дом зашли еще двое. Его дружки. Лиц в темноте не видно. Зато четко угадывалось исходящее от них напряжение.

Олег поднялся с пола. Даже набрался смелости подойти к парню. Он все еще надеялся выкрутиться из ситуации без особых для себя потерь.

– Костя, я же говорил тебе, что денег сейчас…

Договорить он не успел. Сильный удар в челюсть снова швырнул Олега на пол.

– Ты еще говорил, что тебе денег на хлеб не хватает…

Костя подал знак своему дружку, и тот достал из сумки буханку хлеба.

– Вот, пожрать тебе принесли. Ты не волнуйся, у нас много…

В руке у Кости появился пистолет. Самый настоящий «наган». Щелчок взводимого курка поверг Олега в панический ужас.

– Антоха, накорми чувака! – распорядился Костя.

Антон не заставил себя долго ждать. Отломил кусок от черствой буханки, протянул Олегу.

– Жри, падла!

– Я не хочу…

На этот раз Олег с пола подниматься не стал. Но это не спасло его от нового удара. Антон опустил кулак ему на голову с такой силой, что послышался треск черепных костей.

– Тебе сказали, жри!

Сквозь туман в глазах Олег увидел, как приблизился к нему ствол револьвера. Сейчас он точно знал, что Костя шутить не будет. Поэтому взял протянутый кусок и, несмотря на подступившую тошноту, вгрызся в него зубами…

Кусок не лез в горло, но все же Олег сумел умять целую буханку. По наивности души он решил, что на этом экзеку-

ция закончится.

Но Костя снова потребовал деньги.

– Я же сказал, нет у меня…

Вторую буханку хлеба ему впихивали в рот силой. Олег едва не подавился.

– Есть, есть деньги…

В конце концов он сдался.

– А говорил, что нет, – пряча «наган», сказал Костя.

– Только немного. Всего двести рублей…

Он надеялся, что ему поверят. Но Костя был неумолим.

– Ты все еще за лохов нас держишь, чувак, – хищно усмехнулся он. – Ты все еще не понял, с кем имеешь дело. Короче, ты можешь отмазываться, сколько хочешь. Но учти, за каждое лишнее слово штраф – пятьдесят рваных или «кирпич» хлеба в глотку. Деньги где?

– У меня только триста рублей! – взвыл Олег.

– Так, с тебя пятьсот пятьдесят рябчиков. Еще раз спрашиваю, где деньги?

– Костя, ты хоть понимаешь, что тебе за это будет?

– Шестьсот рэ.

– Тигран тебе так этого не оставит!

Это был чистой воды блеф. Олег прекрасно знал, что никакой Тигран за него не заступится. Но пацанов это могло напугать… Однако не тут-то было.

– Шестьсот пятьдесят… И не надо нас Тиграном стращать, – презрительно скривился Костя. – Ни Тиграном, ни

Козырем, ни Патлатым…

Он назвал еще несколько известных в криминальном мире имен.

И говорил он с таким видом, как будто лично знал всех этих людей. А может, и знал. Не такой уж он простой парень, этот Костя. И «наган» у него неспроста. И на счетчик ставит со знанием дела.

– Мы никого не боимся, понял? Тем более что мы решаем с тобой вопрос чисто по понятиям? Или нет?

– Да, – выдавил из себя Олег.

Наконец-то до него дошло, что отвертеться ему не удастся.

Пришлось вскрывать тайник, где у него спрятана не одна тысяча. Но Костя забрал только шестьсот пятьдесят рублей, хотя мог прибрать к рукам и все остальное.

– И мой тебе совет, никому ничего не говори, – напоследок предупредил он. – А то ведь мы и пошутить можем. Проснешься утром, а голова в тумбочке…

И снова Костя был тем самым добродушным и открытым пареньком, которому Олег привык вешать лапшу на уши. Но теперь у него и в мыслях не было играть с ним в лоховские игры. Теперь он знал, что за бес прячется за его с виду обаятельной улыбкой. Также он знал, что никому ничего не скажет о деньгах, которые потерял. Как ни крути, а пацаны взяли свое – честно заработанное. А сто пятьдесят рублей сверху – так это что-то вроде пени за просроченные платежи.

2

Рыбалка – дело тонкое. Даже если сеть толстая. На «самодур» или на «дорожку» много не натаскаешь, хотя бывают моменты, когда на один только спиннинг можно мешок рыбы взять. Лучше сетями ловить. Или на рогожную циновку. Сетями – днем хорошо. А циновку ночью ставят. Это такая длинная штука с загнутыми краями. Вытягиваешь ее посреди моря темной ночью и ждешь, когда пеленгас подойдет. Рыба эта пугливая – увидит темную полосу на воде и по глупости своей чешуйчатой старается через нее перепрыгнуть. И падает прямо на циновку, только успевай собирать. Позапрошлой ночью такая вот масть поперла – Костя тогда с друзьями восемь корзин кефали взял. Часть рыбы сами продали, часть на точки ушла, кое-что через коптильню пропустили.

Сегодня у них дневной лов. У Леньки особый нюх, он рыбу за несколько миль чует. Это у него наследственное. Отец рыбаком был, брат на траулере ходил. Отец по пьянке сгорел, брат в шторм за борт вывалился – с концами. Нет больше у Леньки родни, кроме матери, а чутье на рыбу осталось…

Сегодня Ленька велел ставить сети в Девичьей бухте. Есть такое местечко, в двадцати километрах от Тепломорска. Бухта крохотная, но какая-никакая, а есть. А вот девиц, в чью честь ее назвали, нет и в помине. Да и не до баб сейчас Косте. Пока весна, кефаль хорошо ловится. И надо пользо-

ваться моментом.

Сети уже выставлены. Хитрая конструкция. Сеть выстлана по дну и поднята на три стены – края пока под водой. Но как только косяк угодит в ловушку, края нужно поднимать. А то ведь кефаль – рыба не только пугливая, но и прыгучая. Братва уже на стреме. Трое в лодке, двое на высоком скалистом берегу. С высоты бухта как на ладони. Алик Патрикеев и Женька Киселев смотрят за морем. Если что – подадут знак.

– Пацаны, сейчас начнется! – встрепенулся Ленька.

Нутром почуял рыбу. И точно, километрах в двух от лодки со стороны горизонта вынырнул дельфин. Блеснул на солнце плавником и снова в воду. За ним второй… Кефаль боится дельфинов как огня. И стоит им только появиться, их как бабочек на огонь несет к берегу. Тут главное не зевать.

Алик замахал руками. Подает сигнал, что видит косяк, что рыба пошла прямо на сети.

– Что я вам говорил! – Ленька весело подмигнул Косте, и тут же его лицо обрело выражение строгой сосредоточенности.

Но косяк не успел дойти до расставленной ловушки.

Замахал руками Кисель. Показывает на восток, в сторону города.

Сигнал «Атас!».

– Кажись, приплыли, – недовольно скривился Антон Сазонов.

И взялся за весла. Нужно уводить лодку подальше от сетей.

Катер рыбнадзора не заставил себя долго ждать. К тому времени, как он появился в поле зрения, Костя, Антон и Ленька уже сидели в лодке с удочками в руках. Лодка у них неворованная, запрещенных предметов на борту нет, так что бояться нечего.

Катер подошел вплотную к их лодке.

– И что мы здесь делаем, пацаны? – грозно, но при этом с веселым блеском в глазах спросил рыбинспектор.

Ветра не было, на море полный штиль. Так что ему вовсе необязательно было рвать глотку, чтобы его услышали с другого борта.

– А рыбку ловим! – приветливо улыбнулся Костя.

В глазах у него столько радости – как будто он спал и видел эту рыбнадзоровскую морду. Но в общем-то ничего такого он против этого дяди не имел. Человек выполняет свою работу, на него можно злиться, но слать на него проклятия ни к чему. И уж точно не было смысла хвататься за волыну. Тем более что «нагана» в лодке нет: в море он без надобности.

– А сети чьи?

Не нужно иметь семь пядей во лбу, чтобы их обнаружить. Обнаружил, гад…

– Какие сети?! – недоуменно вытянулся в лице Костя.

– А вот эти!

– Не знаю, не видели…

– Может, ваши?

– Вы нас, дядя, с кем-то путаете… Мы сети не ставим, мы только на удочку. И без тройников. Показать?

Но мужик проигнорировал его инициативу. Ему сейчас не до таких мелочей, как тройные крючки.

– Точно не ваша сеть? – пристально посмотрел он на Костю.

– Даже не знаю, о чем вы говорите…

– Что в лодке?

– Ничего, – буркнул Антон. – А что может быть, если вы всю рыбу расшугали!

– И вас шугану… Точно не ваша сеть?

– Не-а…

– Ну, на нет и суда нет.

При всех своих подозрениях предъявить им инспектор ничего не мог. Сеть при нем они не выбирали, рыбы в лодке нет, за удочки наказывать права не имеет. А вот сети он может забрать. И забрал. Вместе со своим напарником нагло затащил их на борт своего катера и даже ручкой Косте не прощание не помахал.

– Козлы! – зло сквозь зубы прошипел Антон.

– Новые плести надо, – обреченно вздохнул Ленька.

– Будут новые сети, – кивнул Костя. – Хорошо, что самих за жабры не взяли. И лодку не хапнули.

– К берегу гребем? – с кислым видом спросил Антон.

– А что еще делать? – уныло глянул на него Ленька. – И

каким ветром этих козлов надуло?

– Скажи спасибо, что ментов с ними не было. А то бы нас наизнанку вывернули.

– А что менты? Клал я на ментов! – сказал Антон и ожесточенно сплюнул через зубы.

Вряд ли это было пустой бравадой. Костя как никто лучше знал своего друга. Сызмальства в одной упряжке. Вместе росли в самом отстойном квартале Тепломорска. Как у и Леньки, у Антона тоже был отец и старший брат. Оба живы, но один мотает срок за убийство, другой за изнасилование. Одному еще восемь лет сидеть, а второго никто и не ждет. Потому что Кольку еще на этапе опустили. Теперь ему никто руки не подаст, даже брат родной. Квартал у них такой – понятия, как на зоне. Потому что каждый второй за что-нибудь да гостил у Хозяина. И понятия уголовные, и нравы жестокие. Сколько помнил себя Костя, столько и приходилось ему отстаивать свое право на жизнь под убогим солнцем Соленого квартала. И на кулаках смертным боем бился, и на ножах с уродами всякими сходился. Все было – и бормотуху стаканами глушил, и косяки взрывал, и местным лахудрам под хвост заглядывал. Короче, познал все прелести отнюдь не прелестной жизни. И даже в ментовке пару раз побывал, по первой – за то, что челюсть одному дебилу свернул, по второму – за то, что на стреме стоял, когда братва магазин брала. И Антон с ним тогда на шухере стоял. Но им подфартило – условным сроком отделались, а их корешей на этап

отправили.

Антон и в самом деле ментов не боялся. Как будто вообще ничего в этой жизни не боялся. Натура у него такая бесшабашная. Да и Костя тоже неробкого десятка. Ему что на воле жить, что в неволе, лишь бы козлом помойным и лохом деланым не прослыть. Менты на признанку его колоть пытались, да не вышло у них ничего. Никого Костя не сдал. И Антон тоже.

На допросах они держались как правильные пацаны. И в будущем не собирались кланяться ментам. Но при этом ни у кого из них не было желания греть своими телами тюремные нары. Не прельщала их блатная романтика. Тянуло к чему-то большому и светлому. К чему именно, они еще не знали. Зато понимали, что уважаемыми жуликами быть им не хочется. Мореходку бы закончить да по морям по волнам – уж это лучше, чем всю жизнь ходить по этапам. Но мореходка им не светила. Костя в прошлом году намылился, да мимо. Образования не хватило. Ему тогда семнадцать лет было, иные в этом возрасте десятилетку заканчивают, а у него за плечами всего семь классов. И Антон всего шесть классов закончил. Не хотели они в школу ходить, и все тут. Не хотели, а сейчас жалеют. Но уже поздно. В их-то возрасте за парту садиться – пусть в другом месте дураков поищут… Ничего, и без образования можно прорваться. На той же рыбе капитал можно сколотить, свою лавочку открыть – деньги лопатой грести, богатеть. Время нынче такое – есть деньги, значит, человек,

нет денег – кому ты на фиг нужен, пусть хоть десять высших образований у тебя. Да и всегда так было. И всегда будет.

Рыбалку Костя уважал. С малых лет – любимое занятие. Но всерьез этим делом он начал заниматься с прошлого лета. Бригаду по этой части собрал. Он – в центре, справа и слева Антон и Ленька, Алик и Женька на подхвате. Пацаны все здоровские, проверенные. В прошлом году они хорошо поднялись. На жизнь денег заработали, лодку хорошую купили, даже машиной разжились – хоть и старый «Запорожец», но бегает резво и почти не ломается. Есть на чем рыбу по точкам развозить… Короче, неслабо дела идут. Жаль, что рыбнадзор кровь портит. Инспектора видят в них браконьеров, преступников. А какие они уголовники? Их же с детства учили, что все вокруг народное. И рыба, значит, народная. Они ж ее не воруют, они ее честным трудом добывают. Днюют и ночуют на побережье. И рыбой провонялись, и дымком прокоптились. Нет, никакие они не преступники. Во всяком случае, Костя себя уважает. А был бы вором или грабителем, не уважал бы, хотя и вырос в той среде, где слово «вор» звучит гордо…

– Ночью здесь лов будет, – словно прислушиваясь к какому-то внутреннему голосу, сказал Ленька. – Надо рогожку ставить.

– На реку идти надо, – покачал головой Антон. – Осетр скоро пойдет, вот где бабла сделаем.

Костя молча кивнул, соглашаясь. Кефаль – хорошо, а

осетр лучше. Его можно тягать из моря сетями, но дело это неблагодарное. Редко когда бывает густо, в основном – пусто. А в мае осетр уходит на нерест в верховья черноморских рек, рассасывается по лиманам. Далеко ехать, но расстояние для братвы не помеха. Худо, что в тех местах во время путины рыбназдор зверствует. Да и мафия не дремлет. Чужаков там не любят, да и местных не больно-то жалуют. Но Костя ничего не боялся. И Ленька готов был лезть к черту на рога, чтобы урвать жирный куш. Черная икра на развес, балыки из осетрины – такой товар уйдет влет и за приличные деньги… Да, надо идти на реку. Тем более что и кефаль туда же кормиться пойдет. А волков местных бояться не стоит. Пусть они боятся. Не зря же Костя вооружал бригаду. «Наган» есть, немецкий «люггер» и обрез «мосинской» винтовки. Стволы раздобыли без особых проблем, через знакомых кентов, которые занимались раскопками на полях сражений давно прошедшей войны. И оружие подогнали в отличном состоянии, и денег взяли не так уж и много. В общем, все на мази. Лодка есть, мотор вот-вот будет, сети новые сплетут.

– На реку так на реку, – не стал спорить Ленька. – Хлопотно это, зато игра стоит свеч.

В отличие от того же Антона, он не очень-то хотел лезть на рожон. Но парень он стоящий. Есть в нем крутая жила. И в крутых переделках приходилось бывать. Ни разу не дрогнул, ни разу не выдал своего страха.

Алик и Женька – те попроще. И помладше. Обоим по пят-

надцать. Но и эти не лыком шиты. Можно на них положиться. Только спрашивать их ни о чем не надо. В бригаде они на птичьих правах, ни решающего у них голоса, ни совещательного. А за Костей они пойдут хоть в пасть к крокодилу, не задумываясь. Только стоит ли их туда тащить за собой, вот в чем вопрос. Дело-то серьезное, пропасть могут пацаны… Но ведь если не взять с собой, обидятся…

– Значит, на реку, – довольный, как слон, просиял Антон. – Только это, сначала бы оттянуться. Бабки есть, так почему бы в «балаган» не прошвырнуться?

Балаганом он называл портовый кабак в окрестностях Соленого квартала. Там весело. Жулики там собираются, бандиты, фраера. Морячки заглядывают. Лярвы, шалавы, портовые проститутки – этого добра навалом. И менты с облавами не редкость. Но ментов бояться – себя не уважать.

– Будет тебе «балаган», – кивнул Костя. – На реку сходим и первым делом туда…

– Может, сейчас? – просительно посмотрел на него Антон.

В принципе можно было бы гульнуть и сейчас. Тем более что есть настроение. Но Костя уже сказал свое слово, и как бы ему ни хотелось его забрать, сделать он этого уже не мог. Сначала дело, а потом уже потеха.

Глава 2

1

Поезд шел на север, но не в холода. Ростов-на-Дону – это, по сути, тот же юг. Настоящий север – это Мурманск, Архангельск. Или хотя бы та же Мордва, где Вадик Цепень однажды мотал срок. Там ему и кликуху дали. Быковал он круто, чуть что не так – в морду. Даже воры боялись с ним связываться. Но погонялу приклеили. Если бычий, то цепень. Так и повелось – Вадик Цепень. Да он и не в обиде. Нормальная погремуха. Уж куда лучше, чем просто Бычара.

Там же, в Мордве, он с ворами конкретно сошелся. В отрицалы записался. Но уважаемым жуликом так и не стал. И вторая ходка не приблизила его к этому почетному, в общем-то, титулу. Но братва его по-любому уважала. Все знали, что Вадик Цепень – знатный гопник. И не счесть, сколько «гоп-стопов» на его счету.

Он и после первой ходки по мелочи не работал. А по второй тем более. Еще на зоне один умный человек подсказал ему некислую схему. В Тепломорск ему посоветовал ехать. Море там, солнце, и воздух просоленный, что для слабых легких самый кайф. Портовый город, курортная зона – жирных куражных терпил как собак нерезаных. А самый фарто-

вый вариант – это морячки. Они из загранки в порт приписки прибывают. Кто-то в родном городе остается, кто-то по своим весям разъезжается. И с бабками у них все на мази – в основном валюта. Как устоять перед таким соблазном? Тем более что родом он был с Черноморского побережья.

* * *

Вадик не устоял. Нашел помощников, и вот он уже в деле.

Поезд «Тепломорск—Ростов» уже в пути. У Вадика билет в плацкарте, а прицел взят на купейный вагон, в котором едет приговоренный к раздербану морячок. Зойка его уже окучивает. На коленях у него уже сидит, языком по ушам ездит – сначала в переносном смысле, а сейчас натурально, так присосалась, что не оторвать. Парень уже в ауте, а соседи по купе уходить не собираются. Но Зойка не дура. Она свое дело знает.

Цепень стоял в коридоре вагона и с умным видом смотрел в окно. Со стороны могло показаться, что он любуется местным пейзажем. А какой пейзаж, когда за окном темень непроглядная. Да и не волновали его природные красоты. Краем глаза он наблюдал за купе, в котором ехал выбранный в жертву моряк. Ничто не изменилось в его облике, когда тот вышел из купе и вместе с подсадной красоткой направился в туалет.

Наивный лох верил, что Зойка сообразит ему сеанс ораль-

ной любви. Обещать-то она обещала, но ведь это всего лишь замануха. И морячок в этом убедится.

Зойка сделала все как надо. Но слаба она не только на передок, но и на руки. Не сможет она вырубить жертву, ни сил у нее для этого нет, ни опыта. Но от нее и не требуется ничего запредельного. Всего лишь защелку открыть в нужный момент.

Вадик постучал в дверь. Условный знак – два коротких перестука, один длинный. И тут же последовал щелчок. Дверь открывалась внутрь, и Цепень мощным рывком распахнул ее. Морячок находился справа возле унитаза, и угол открывшейся двери заехал ему в лоб. Пока он приходил в себя, Цепень приставил ему нож к горлу.

– Ой, не убивайте! – взвизгнула Зойка.

– Пошла отсюда! – рыкнул на нее Вадик.

В глазах морячка она должна остаться невинной жертвой. Хотя рано или поздно до него дойдет, какую роль она сыграла в его жизни. Но вряд ли расскажет про нее ментам. Он человек семейный, и ему не захочется, чтобы жена узнала, какой он «примерный» семьянин. Хотя всяко может быть. Но в данный момент Вадика мало волновали детали предстоящих разборок. Главное, взять деньги.

– Бабло на бочку! – свирепо прошипел он.

Острие ножа впивалось в горло, пока не пошла кровь. Теплая струйка, скатившаяся моряку за шиворот, призвала его к благоразумию. Он сам отстегнул пояс, в котором заши-

ты деньги.

– Живи! – великодушно позволил Вадик.

И так же великодушно ударил моряка головой в переносицу. Пока он придет в себя, Вадик будет уже далеко.

Деньги Цепень передал своему напарнику, который ждал в тамбуре. Вася Лимон схватил добычу и рванул в сторону, обратную той, в которой исчез Вадик.

На ближайшей остановке они втроем сошли с поезда, собрались вместе. Распотрошили пояс. Две тысячи долларов и три тысячи рублей.

– Нехилый улов, – осклабился Цепень.

И ожесточенно посмотрел на Васю.

– Сколько под себя взял?

– Братан, ты чего? – оторопел Лимон. – Ты че, за крысу меня держишь?

– Зойку хочешь?

– Э-э, не вопрос… Только не сейчас…

– А чего не сейчас? Место тихое, ночка теплая, а кусты смотри какие. Зойка!

Зойка сообразила, что нужно от нее. И принялась раздевать Васю. Догола раздела. И потащила под кусты. Цепень обыскал его одежду, но денег не нашел. Значит, не скрысятничал пацан. Тем лучше для него. И жить будет, и Зойку вытопчет. Он уже давно слюнки на нее пускает, да и она, по ходу, не прочь. Вот пусть и балуются. Надоела ему Зойка, пусть Лимон ее топчет. А он себе другую забаву найдет. С

его-то деньгами это не проблема. А денег много. Третий месяц он уже в деле, и ни одного прокола. Зато бабла без малого двадцать штук набили – и в рублях, и в инвалюте. Будет на что погулять.

В Тепломорске они снимали домик в босяцком районе. Вадик никого здесь не знал, но чувствовал себя своим среди своих. Люди здесь бывалые, любой мент для них враг, в том числе и местный участковый, который даже не пытался совать нос в чужие дела. В этом районе Вадик чувствовал себя, как черт в тихом омуте.

Отсиживаться Цепень не стал. День провел в лежке, а на ночь глядя отправился в местный кабак, который здесь называли балаганом.

Кабак стоял возле самого моря, приткнувшись к ограде портовой зоны. Место безлюдное. Фонари вокруг все разбиты, окна наглухо зашторены. И если бы не прожектора с портовых кранов, здесь бы сейчас стояла непроглядная тьма. Вадик почему-то решил, что в кабаке народу будет негусто, но не угадал. Довольно-таки просторный зал был почти заполнен. Но еще оставались свободные столики. Вадик с ходу оккупировал один из них. Рядом приземлились Лимон и Зойка – блатной пацан и блатная кошка.

Цепень снисходительно обвел взглядом зал. Публика приличная, не вопрос. За ближним к эстраде столиком обосновалась солидная компания – три мужика и столько же баб. Вернее, не мужики это. А чисто бродяги. Одному лет сорок,

другие чуть помоложе. Что под рубахами у них, не видно, но на пальцах «синяки». У старшего – перстень с короной и четырьмя лучами над ней. Крутой лагерный авторитет, возможно, даже в законе. Четыре ходки. Что у остальных, не разобрать, но видно, что не пахановские шестерки. Ведут себя спокойно, с достоинством. И телки не какие-то расфуфыренные лярвы. Причесанные крали. Две симпатяжки, а одна так вообще красотка. Но на нее лучше не заглядываться. А то ведь можно и под раздачу загудеть.

За другими столиками братва попроще, но в любом случае все – свои. Хватало и левых – шпана беспонтовая, морячки залетные. Эти ведут себя тихо, не хорохорятся. Правда, морячки откровенно стреляют глазами по телкам, которые нарисовались здесь чисто для того, чтобы сняться – или пожрать на халяву, или подмахнуть за бабки.

И музыка конкретная. Бородатый лабух с электрогитарой натурально под блатного косит. Голос у него сильный, с хрипотцой. «Мурка, ты мой муреночек…» «Извозчик, отвези меня домой…» Душевные песни, не вопрос…

– Вадь, чего загрустил? – спросила Зойка.

И как бы невзначай положила руку ему на ногу, повыше колена. Лимон стрельнул в нее ревнивым взглядом, но промолчал. Все правильно, он уже пользуется ею, но еще не имеет права считать ее своей собственностью. Но все к этому идет. Да и ляд с ним, пусть Зойка будет чисто его марухой, заслужил пацан.

– Да ништяк накатил, – скупо улыбнулся Вадик. – Лабух, падла, за душу схватил.

– Заказывать что будем? – встряла в разговор официантка.

Цепень смерил ее недовольным взглядом. Хоть бы улыбочку, дрянь, к губам подвесила. И глазки можно было бы потеплей сделать. Так нет, стоит перед ним, как сучка после случки. Типа ей еще предлагают, а она уже не хочет.

– Че ты сказала?

– Заказывать что будем? – сердито спросила она.

И взгляд в сторону отвела. Как будто ей в падлу смотреть на Вадика. Типа рылом не вышел.

– А что есть?

– Меню на столе.

– А тебю?

– Что, простите?

– А не прощаю. Не хочу я тебю. Страшна ты, мать, как моя жизнь.

Баба действительно была не фонтан. Круглая, да еще прыщавая вывеска, маленькие глазки. Ни сиськи, ни киськи. А еще царевну из себя строит.

– Ну знаете ли! – вспылила официантка.

– Ты это, не буксуй, не надо, а то я дым не люблю. Короче, водку тащи. Пузыря три для начала. Ну и салатов там каких-нибудь. Фирменное блюдо, да… И побыстрей!

Чтобы придать бабе ускорение, Вадик потянулся к ней и хлопнул ее ладошкой по заднице. А другого обращения она

и не заслуживала.

Но, видно, официантка так не считала. И в праведном гневе подскочила к столику, за которым тянули водочку четыре молодца с блатными замашками. Одному из них она что-то сказала и пальцем показала на Вадика. Пацан поднялся и без всякого зазрения совести направился выяснять отношения.

– Что лучше сделать, замокрить этого фраера или опустить? – с беспечным видом спросил у Лимона Цепень.

Предстоящая разборка его не пугала. Он уже понял, что дело придется иметь с дешевым представителем племени приблатненных баклановъ. И хотя эти «птички» славились своей непредсказуемостью, ни единый нерв не дрогнул в нем, когда молодец подошел к столу. Неслабый на вид парниша. Морда как у бульдога, в плечах размах. Но на ногах он держался некрепко, глаза залиты. Видно, что нехило кирнул фраерок.

Он подошел к Вадику и воткнулся в него свирепым взглядом.

– Э-э, мужик, ты на кого наехал?

– Ты где, фраерок, мужика увидел? – с лютой насмешкой спросил Цепень. – Ты, я вижу, попутал, чувак!

– Э-э, ты че… – еще больше набычился парень.

Но внутри у него уже пусто. Понял, что не на того наехал.

Понял, что может нарваться на крутую ответку. Дрогнули поджилки.

– Тебя че, фуфел, понятиям не учили, да?

– Это кто фуфел?

– Да ты и есть фуфло дешевое. На кого ты наехал? Ты вообще откуда такой нарисовался?

– Да я…

– Заглушка от буя… Ты че, не вкуряешь, в натуре, что за баб подписываться – не дело. Не по понятиям это.

– Да кто тебе такое сказал?

– Это я тебе сказал!

Цепень нарочно взял сигарету так, чтобы была видна синева на пальцах. Два перстня у него. Череп на белом фоне – знак агрессивного отрицалы. И черный крест с двумя лучами. Если пацан хоть мало-мальски сечет фишку, он должен понять, с кем связался.

– Э-э, братан, извини, я это, обознался, да, – пошел на попятную он.

Все-таки дошло до него, что Вадик ему не по зубам.

– Что, вот так просто, извини, да? А ты не знал, что за такие обознанки кровью расписываются?

Цепень вытащил из кармана нож. Выставлять его напоказ не стал, но нажал на кнопку. Щелчок выскочившего лезвия еще больше напугал парня.

– Ладно, если бы ты за телку подписался…

Он продолжал наседать на незадачливого фраерка. Во вкус вошел.

– А то за какую-то корову мазу тянешь. Кто она такая?

– Да так…

– И не слабо за эту «да так» на перо наскочить?

– Это, я пошел, да…

– Я те ща пойду! Ты вообще кто такой?

– Миклуха я… С Южного мы…

Цепень слабо разбирался в географии города. Но все равно понял, что парень из другого района.

– На чужую территорию сунулся, и права качаешь. Нехорошо! Что мне с тобой делать, чудила?

– Да я…

– Ладно, Миклуха, твое счастье, что я сегодня добрый, – великодушно оскалился Цепень. – Присядь. Давай под жабры плеснем. Типа за знакомство.

Он поймал на себе недоуменный взгляд Лимона. Да и Зойка не понимала, зачем его потянуло на братание с каким-то фраерком. Зато Цепень понимал. В этом городе он, по сути, чужой. Нет за ним никакой силы. Он сам должен быть силой. И если захомутать под себя Миклуху с его корешами, можно создать неслабую бригаду. А видно, что ребята стоящие. Только внутренняя закваска не та, градуса не хватает. Но это от неопытности. Таких пацанов да в чуткие руки – цены им не будет.

2

– Когда иду я в балаган, я заряжаю свой «наган», – пропел на бравурной ноте Антон.

«Наган» и в самом деле заряжен. Только у Антона его нет. Ствол лежит в тайнике. Балаган – не самое спокойное место в городе. Но совсем необязательно брать с собой стволы.

– Девчонки любят марафет, но жить не могут без конфет, – подхватил Ленька.

– И марафет вам будет, и девчонки. Но сначала дело…

Костя немного преувеличивал. Марафет – это наркота. А это в его планы никак не входит. Но водочка также неслабо закручивает шары. Ну а девочки… А девочки – как только, так сразу.

Устали пацаны. Зато на деньги конкретно поднялись. Так что хочешь не хочешь, а подавай им кабак. Тем более что Костя сам этого хотел. Выпить, закусить, шмару снять… разве ж это не кайф?

Было уже темно, когда они подошли к балагану. Ночь на дворе. Позднее время для дела. Но вся беда в том, что не успели они сбыть последние три килограмма «черняка». Не тащить же домой. Почему бы ни совместить полезное с приятным? И дело сделать, и отдохнуть.

В ресторан они зашли с черного хода.

– Эй, братва, вы куда? – попытался остановить их повар в пожелтевшем от жира и времени халате. – С парадного заходить надо!

– А мы по делу. Кто там у вас по снабжению?

– Ну так это смотря кого и чем снабжать. Что там у вас?

– Деликатес.

Ленька достал из сумки пакет с икрой, раскрыл его – что называется, показал товар лицом.

– Неплохо… Сколько здесь?

– Три… По двадцатке за килограмм.

– По пятнашке, не больше.

– Тогда полтинник за все про все.

– Эх, молодежь-молодежь. Ладно, даю сороковник и расходимся.

– Скупердяй ты, дядя. Полтинник, и точка.

Он так посмотрел на повара, что у того пропало желание спорить. Хоть и молодой он, но с людьми разговаривать умеет – и по-хорошему, и по-плохому.

– Ладно, уговорили.

Мужик забрал пакет и скрылся на кухне. Как бы не кинул. Но нет, появился. Принес деньги. Две смятые «четвертушки».

– Только из уважения к вам. Небось натерпелись лиха.

Похоже, он знал, как нелегко достается рыбка с икоркой. Но Косте грех было жаловаться. Почти месяц они ходили на осетра. И без особых проблем. Пару раз на рыбнадзор нарвались. От одного катера по мелководью ушли, а от второго дымовой завесой закрылись. Это просто, садовые дымовые шашки в любом хозмаге купить можно. Однажды с местными схлестнулись. Мужичье наехало. Думали, что на шпану нарвались. Пришлось пальнуть пару раз из обреза, чтобы мозги им на место вставить. Обошлось. Рыбы не так чтобы

очень уж много натягали, но хватит, чтобы балыков на полгода вперед накоптить. А икорка уже, считай, вся ушла. По кабакам, по магазинам, по рынкам разошлась. С этим тоже просто, главное, не зевать. Попался, правда, один чудила, такой же бестолковый, как Олег Ковтун. В бирюльки с Костей пытается играть. Десять килограммов икры взял, а оплату в светлом будущем обещает. Надо будет как-нибудь заехать к нему, поговорить по душам. Как-нибудь. А сейчас в кабак. В самый раз будет оттянуться после делов праведных.

Отца своего Костя не знал. Мать вечно в пьянках-гулянках. Считай, сиротой вырос. Дите улицы, так сказать. Сколько помнил себя, столько и ходил в обносках. В школе учиться не хотелось, но восьмилетку он бы худо-бедно закончил. Дотерпел бы. Но беда в том, что в один прекрасный момент ему вдруг стало стыдно ходить в рванине. И потому как на новые шмотки денег не было, он и забил на школу… Зато сейчас по этой части все на мази. Кроссовки фирмовые, джинсы-варенки моднячие, черная футболка без всяких там дурацких примочек. Еще бы золотую цепь на шею, тогда полный шик-блеск будет. А цепь он достанет. За деньги тебе хоть луну с неба снимут, главное, о цене договориться. Пацаны тоже упакованы, деньги-то вместе зарабатывали.

Кабак был забит под завязку. Свободен только один столик. Но на нем табличка – «Заказано».

– А мне до фени, – лениво зевнул Антон.

Ногой выдвинул стул и прилепился к нему задницей.

Костя и Ленька также не стали мучить себя сомнениями, приземлились рядом с ним.

Официантка не заставила себя долго ждать. Смазливая девчонка – длинная коса, черные глаза. Только вот настроение у нее неважнецкое. Виной всему табличка на столе.

– Извините, но столик занят.

Антон был не прочь повторить свои слова. Но Костя незаметно наступил ему на ногу. В данном случае лучше молчать.

– Я же говорю, столик занят…

Казалось, она обращается в пустоту. Как будто ее никто не слышал. Тишина за столом.

– Вы что, не понимаете?

Костя не понимал. Антон и Ленька тоже. А держались они с такой уверенностью в своих силах, что официантка в конце концов отступила.

– Ладно, все равно никто не придет, – махнула она рукой. – Заказывать что будете?

– А это на ваше усмотрение, – дружелюбно улыбнулся Костя.

Девушка была немногим старше его, но он намеренно обратился к ней на «вы». Он же не мужлан какой-то…

– Есть котлеты по-киевски, есть цыпленок табака, есть сосиски с горошком.

Она смотрела на него с живым интересом. На губах улыбка – если не заигрывающая, то что-то рядом. Видно, что на-

строение у девчонки изменилось в лучшую сторону.

– Котлеты и цыпленка. Оливье можно, если есть. Ну и выпить чего-нибудь…

Девушка ушла.

– Нормально живем… – Антон небрежно бросил на стол пачку «Мальборо», зажигалку.

И скучающим взглядом обвел зал. Костя прекрасно знал, что ищет он по горизонту. Девочки его интересуют… непорочных красавиц здесь днем с огнем не сыщешь, а лярв всяких – завались. Правда, почти все девчонки уже при деле – кто-то блатных развлекает, кто-то со шпаной зажигает, а некоторые морячков окучивают. Может, кому-то из морячков сегодня и повезет. А кому-то нет. Кого-то обворуют, кого-то на деньги кинут. Не все так просто в этом мире.

Костя тоже осмотрел зал. Знакомые лица есть, но из корешей или просто приятелей никого. И девчонок из их района тоже не видать. А ведь Соленый квартал славился своими потаскухами. Ну да ладно, не беда. Тем более что к их столику направлялись две матрешки в коротких юбочках и ажурных чулочках. Не фонтан бабы – но подержаться есть за что. И вообще лучше пусть мымры будут, чем никого.

– Привет, мальчики! – раскачивая на ремешке свою сумочку, многообещающе улыбнулась одна.

– Здорово, девочки!

Антон пребывал в отличном настроении. А то бы мог сказать что-нибудь вроде «у мальчиков – пальчики, а у него

болт». Бывают у него иногда заскоки. Но сейчас он просто ответил приветствием на приветствие. И с пафосом галантного кавалера показал девчонкам на свободные места.

– Не скучаете? – присаживаясь, спросила вторая.

– Как зовут тебя, красивая? – вопросом на вопрос ответил Ленька.

Льстец. Знает, что этой мымре до красавицы так же далеко, как кашалоту до Черного моря. Хотя, говорят, был случай, когда кашалоты в Черное море через Босфор заходили.

– Зина.

– Арина.

– Пить будем?

– Если шампанское.

– Не вопрос.

Антон заказал шампанское. Правда, ждать пришлось долго. Но девчонки не стали возражать против того, чтобы разогреться «беленькой». Кто бы сомневался…

Между первой и второй – перерывчик небольшой. После третьей рюмки Костя почувствовал, как на душу накатила легкая хмельная волна. И Зина с Ариной стали краше.

Официантка подала шампанское. Костя уловил упрек в ее глазах. Уж не ревнует ли она его к девкам? А что, может быть? Парень он не промах, девчонкам нравился. Сколько их у него было… И эта, похоже, не прочь увеличить счет его победам.

– Много работы? – спросил он.

– Как всегда… Еще что-нибудь заказывать будете?

– Э-э, а как мне тебя называть?

Он решил, что настало время перейти на «ты».

– Лариса. А что?

– После работы что делаешь, Ларис?

– После работы я домой иду.

– Поздно, темно, да? Я мог бы проводить…

– Спасибо. Но я на машине. Дождик за мной приедет.

Нужно было слышать, сколько гордости было в ее голосе. Костя знал, кто такой Дождик. Парню чуть больше двадцати, а он уже два срока отмотал. Более того, по последней ходке за зоной смотрел, а это не хухры-мухры. Он сейчас положенец, а это, считай, последний шаг до воровской короны. Дождик – это круто. Потому и распирает Ларису от гордости.

– Ну, если Дождик, тогда я за тебя спокоен.

Если она хотела, чтобы Костя потерял к ней интерес, то этого она добилась.

Лариса приняла заказ и удалилась в полной уверенности, что у него сыграло очко. Но ведь это не так. Ничуть она его не напугала. Не боялся он Дождика. Просто не было надобности связываться с ним. Лариса хороша, но не стоила того, чтобы ломать из-за нее копья.

Зина и Арина никак не отреагировали на появившееся на столе шампанское. Водка им уже нравилась больше. И пожрать губа не дура. Как ни голоден был Костя, он и половины не съел из того, что умяла Зина.

– Мальчики, мне бы в туалет…

Арина ушла. За ней поднялась и Зина.

– Мне тоже…

Но Антон не зевал. Крепко схватил ее за руку и вернул на место.

– Вы кого развести хотите? – угрожающе спросил он.

– Мы?! Развести?! – Зина сделала круглые глаза. – О чем ты говоришь?

– О том, что знаю, о том и говорю. Мы пацаны простые, не вопрос, но кидать нас не надо.

Зина мелко дрожала, глядя ему в глаза. Поняла, что может нарваться на большие неприятности. Похоже, она и в самом деле была из тех, за кого ее принял Антон. Есть такая категория ресторанных девочек – пьют и едят за чужой счет, а потом по-тихому сваливают, чтобы не расплачиваться натурой.

– Но нам домой уже пора, – испуганно промямлила она.

– А кто тебя держит? – ухмыльнулся Антон. – Скажи честно: мне, пацаны, с вами не в кайф, мы поймем. Мы ж не беспредельщики какие-то. А за лохов нас держать не надо, поняла?

– Да…

– Тогда катись отсюда!

– А можно… Можно я останусь? Мне с вами в кайф… Это Арина все…

– Оставайся. Только тогда я мамой тебя буду делать. А ты

как думала?

– Ну, я не против…

– Вот и ладушки!

Антон обнял Зину за плечи. А когда вернулась Арина, его пятерня уже бесцеремонно тискала податливую грудь. Арина все поняла без слов. И тоже осталась. Придвинулась к Косте, сама положила руку ему на коленку. А он уже был достаточно под градусом, чтобы вообразить себя в одной с ней постели. Тем более что было куда ее вести. Вчера они с пацанами сняли полдома в своем районе. С матерью жить невозможно – пьет, зараза, и мужиков к себе водит. А ее хахалей он терпеть не может. Чуть что не так, сразу в морду. Одного такого урода до смерти чуть не забил, а другому челюсть свернул. За первого никто не спросил, а из-за второго чуть дело в ментовке не пришили… Может, Арина тоже такой же матерью для своего сына будет. Пусть будет, лишь бы только не для его ребенка. Надо бы поберечься, чтобы ее потом не раздуло.

Костя уже представил, как будет ставить девку на четвереньки, когда на смену бородатому песняру на эстрадную площадку вышла роскошная дива с белоснежными волосами. Платье длинное до пят, но грудь открыта до такой степени, что неясно, как она держится в лифе. А ведь не вываливается, и даже сосков не видно. Хотя бюст у нее мощный. Высокий, упругий. Да и не только грудь заслуживала внимания. Лицо красивое. Глаза как два прожектора – не горят, а

ослепляют. Фигурка просто прелесть.

Костя понял, что на блондинку смотрит не только он. И Антон глядит в оба, разинув рот. И Ленька. Да весь зал на нее смотрит – мужчины с восторгом, женщины с завистью.

– Интересно, сколько ей лет? – отстраняясь от Зины, спросил Антон.

– Лет двадцать, не больше, – рассудил со своей колокольни Ленька.

– Ты лучше спроси, откуда она взялась. – Костя вопросительно посмотрел на Арину.

Наверняка она здесь каждый день бывает, должна знать. Но Арина лишь пожала плечами.

– Впервые вижу…

И Зина не прояснила ситуацию.

– А вам-то что?

Нужно было быть полной дурой, чтобы задать такой глупый вопрос. Да Костя уже полжизни готов заложить в ломбард, чтобы хотя бы на часок заполучить эту красотку.

– Знать бы, кто ее… в смысле, кормит? – Антон озадаченно потер щеку.

Похоже, он тоже пошел бы на многое, чтобы подружиться с этой блондинкой.

– Козырь кабак держит, – сказал Костя. – А тебе не все равно?

Козырь был законным вором. И держал не только балаган, но и всю портовую часть города. С ним шутки плохи. Но

Костя не боялся его. И хоть сейчас готов был бросить ему вызов. И пусть эта красотка подведет его под монастырь, он не против, лишь бы только игра стоила свеч. А хотя бы одна ночка с ней окупит все. Костя не узнавал себя. Никогда и ни на что он так бурно не реагировал, а тут на тебе…

Красотка взяла микрофон и стала петь.

В шумном балагане любят собираться
Жулики, бандиты, воры всех мастей.
Кто пришел напиться, кто пришел подраться,
Кто пришел послушать свежих новостей…

Костя должен был признать, что голос у нее не самый слабый. И как поет! Сколько огня, сколько задора! А ведь эту песню мужик должен зажигать. Не может ее баба петь. Не может, но поет. Да еще как!

Левка-Паганини если разозлится,
Он своею скрипкой всех с ума сведет.
А если сунут четвертак,
Так он сыграет и не так…

Не было в тепломорском балагане никакого Левки-Паганини. Некому было здесь терзать народ скрипкой. Но эта красотка и без скрипки сводит с ума. А если еще четвертак ей сунуть…

Костя сначала сорвался с места, а потом уже подумал, что

не стоило этого делать. Но ноги уже несли его к эстраде. А рука доставала из кармана четвертной.

Оказалось, он был не один в своем стремлении. Его опередил какой-то черт с рожей прожженного уголовника. Похотливый оскал обнажал золотые фиксы во рту. Ничуть не смущаясь, он запрыгнул на сцену к певице и беспардонно протянул к ней руку с зажатой в пальцах двадцатипятирублевой купюрой. А та даже не дернулась, когда он затолкал четвертной в лиф между ее грудей… Костя оторопел от такой наглости. Но не потерялся. Он понял, что и сам готов проделать такой же трюк.

Но блатарь не просто спрыгнул со сцены, он перегородил ему путь.

– Только попробуй, пацан! – угрожающе прошипел он. – Это моя бикса! Ты че потух, фраерок!

Костя ничего не сказал. Молча оттолкнул нахала плечом и сам запрыгнул на сцену. Купюру в бюст он заталкивать не стал. Сунул ее в протянутую руку. Певица забрала деньги, награждая его благодарным взглядом.

Она продолжала петь. И ее слова звучали как поощрение.

Зачем скупая жизнь нужна?
Ведь завтра может быть война…

Действительно, зачем скупая жизнь нужна? Кто знает, может, война начнется уже сегодня.

Глава 3

1

Вадик заскрипел зубами со злости, когда на сцену вышел бородач. Решил, что лабух сменит грудастую красотку. А он так не хотел, чтобы она исчезала. Эта секс-бомба уже добилась своего – взорвала его изнутри. И только она одна может собрать его по частям обратно.

– Екатерина Кравцовская! – с улыбкой до ушей провозгласил бородач.

Теперь Вадик знал, как зовут его зазнобу. Да он и без того бы узнал. Ведь не собирается же он сидеть сложа руки. Уже сегодня эта краля будет с ним. И чхать на ее крутых любовников. А без них вряд ли обойдется. Такие девочки бесхозными не бывают. А может, этот бородач – ее любовник? Вадик презрительно усмехнулся, глядя на лабуха. Дядька он вообще-то крепкий, но это на вид. Обычный мужик, внутри труха… Такого Вадик уделает на раз. А если на крутого деловара нарвется, обратку не включит. Если ему надо, он умеет идти до конца. А ему надо…

Катерина снова запела. Голос ее – как бальзам на душу. Вадик млел, как приласканная кошка, и одновременно содрогался, как пробудившийся вулкан.

Мой отец в Октябре убежать не успел,
Но для белых он сделал немало.
И однажды холодное слово «расстрел» —
Прозвучал приговор трибунала.
И вот я – институтка, я дочь камергера,
Я – черная моль, я летучая мышь!
Вино и мужчины – моя атмосфера,
Приют эмигрантов, свободный Париж!

На дочь камергера Катерина не тянула, но во всем остальном… Черная моль, летучая мышь. Сильно!

Красотка задержала на нем засвеченный лирикой взгляд, призывно улыбнулась. Теперь Вадик точно знал, что Катерина запала на него. Еще бы! Он так ловко засунул четвертной в щель ее бюста. Она должна была оценить его лихость. И она оценила.

А взгляд ее продолжал блуждать по залу.

Ведь я – проститутка, я фея из бара,
Я – черная моль, я летучая мышь!
Вино и мужчины – моя атмосфера…

Вадик заметил, как ее взгляд остановился на юнце, который так же вслед за ним подогрел ее четвертным. Ему она тоже улыбнулась. Точно, проститутка. Фея из бара. Бабки ей нужны, вино она любит и мужчин. Шалава! Бабки ей нужны?! Будут ей бабки!

Он сорвался с места, метнулся к эстраде. На этот раз он запихнул в лиф ее платья сторублевку. Она улыбнулась ему. Но это была какая-то отчужденная улыбка. Если не сказать, осуждающая. Деньги она любила, но ей не нравилось, каким макаром он их ей впаривает. Любой каприз! Вадик достал еще одну сотенную купюру и сунул певице в руку. И заслужил признательную улыбку. Душевную, но с блудским оттенком… Двести двадцать пять «рябчиков» он ей скормил. За красивые глазки. Считай, на халяву столько бабла срубила. Валютная проститутка за ночь любви столько не зарабатывает, сколько обломилось ей за каких-то две песни.

На место Вадик возвращался с видом победителя. Грудь колесом, походка крутого мэна. Миклуха смотрел на него, как холоп на своего царя. И его кореша пялились на него восхищенно-заискивающе. Неслабые на вид хлопчики. Сыроваты, правда, для серьезных дел. Но Вадик доведет их до кондиции под своим мудрым руководством. А бригада ему нужна. Большая, крепкая бригада. И, возможно, она понадобится ему в самое ближайшее время. Вадик нутром чувствовал, что Катерину ему без боя не взять.

Красотка закончила петь. И тут же к ней подошел тот самый парень, который также положил на нее глаз. Сотенную купюру ей, гад, сует. Песню заказывает. А ведь Вадик его предупреждал. Не понял пацан. Что ж, тем хуже для него. Да, будет бой. Начистит он репу недоделку, а еще лучше, на нож поставит. Пусть знает, что это такое – иметь дело с крутыми.

Кто-то тронул Вадика за плечо. Он повернул голову и увидел блатованного мэна с рваным ухом. Холодные, как лед, глаза, хищный оскал.

– С тобой поговорить хотят, – с угрозой и насмешкой в голосе сказал он. – Выйди, тебя ждут.

Вадик понял, что разборка с недоумком откладывается на неопределенное время. Не до него сейчас будет.

– Поговорим, – поднимаясь со стула, небрежно бросил он.

Зазывала повернулся к нему спиной и неторопливой походкой направился к выходу. «Вареные» джинсы на нем, широкий свитер. Свитер – это плохо. Под ним он мог прятать волыну. А у Вадика ствола как раз-то и не было. Зато «кнопарь» на месте. «Сколько он зарезал, сколько перерезал…» Настроение боевое. Пусть хоть сам черт лысый на него наедет, по барабану. Любого уложит.

Лимон въехал в ситуацию без всяких подсказок. Направился за ним. На ходу Вадик поймал взглядом Миклуху, кивком головы показал на выход. Поддержка со стороны ему бы не помешала, но надежды на пацана мало. Ведь договора у них никакого нет. Но Миклуха не подвел. Понял, что Вадик нуждается в нем. Тряхнул плечами, настраиваясь на боевой лад, красноречивым взглядом обвел своих дружков, поднялся из-за стола и направился вслед за ним. Но только один из его дружков примкнул к нему, двое остались сидеть. Типа ничего не поняли…

Вадика ждали за зданием ресторана, у клумбы под раски-

дистым дубом. Пахло прелыми водорослями и опасностью. Лучи прожектора сюда не доставали, поэтому здесь было темно. Идеальное место для разборок…

Их было трое. Зазывала среди них. Он остался в стороне, а к Вадику подошел центровой. Здоровенный дядя, выше него как минимум на полголовы. Но Вадика это не смутило. За всю свою жизнь он привык ко всякого рода разборкам. Как привык и к тому, что почти всегда выходил из них победителем.

– Я – Фокс! – тоном, настраивающим на панический лад, назвался центровой.

Но при всем своем старании он не смог внушить Вадику страх. Не на того нарвался. Зато его имя повергло в ужас пацана, которого привел за собой Миклуха. Вадик не видел его, поскольку он стоял у него за спиной. Но услышал шорох удаляющихся шагов. Пацан попросту слинял. Но сам Миклуха остался на месте. Видно, Вадик внушал ему еще большее уважение, чем какой-то там Фокс.

– И что с того?

– Ты, я вижу, залетный, да? Не знаешь, кто такой Фокс, не знаешь, кто такой Козырь…

– Про Козыря слышал… Че тебе надо, а? Базлай, не води вола.

– Ведешь ты себя нехорошо, братан. Откуда ты такой взялся?

– Оттуда, где живут чисто по понятиям. Ты кто такой,

Фокс? Из темноты, как вый, наезжаешь, да? Я тебя не вижу, братан. Фокс и Фокс, а кто ты по жизни, сколько у тебя ходок?

– Вор я по жизни. Две ходки.

Фокс вроде бы по теме говорил. Но, по сути, он повелся на базар. А ведь он не говорить должен, а наезжать. Конкретно наезжать. Но, видать, ему нечего было Вадику предъявить. Тогда зачем на стрелку его дернул? Может, у него труха внутри? Снаружи понты, а внутри солома – дунь на такого, и развалится.

– Так че у тебя за предъявы, братан? – насмешливо спросил Вадик.

Он чувствовал, что забрал у Фокса инициативу. А разговаривать с ним на жизненные темы желания мало. Не для того же он сюда пришел, чтобы корешиться с каким-то понтером.

– За Катериной Козырь стоит, – небрежно обронил Фокс.

– Ну и фуле?

Вадик не боялся обострять ситуацию. А чего бояться? Пусть его самого боятся. А Фокс уже дал слабину, и даже Миклуха мог это понять. Не уходит, значит, понимает.

– Не надо лезть к ней, братан, – предупреждающе набычился Фокс. – И за формы лапать не надо.

– Пусть Козырь это мне и скажет. Его баба, пусть он и предъявляет. А ты че, на подхвате, да? Свечку держишь?

– Ты базар фильтруй…

– А тебе не в падлу за чужую бабу подписываться?

– Не в тему базар. Короче, тебя предупредили.

Вадик уже понял, что Фокс не хочет лезть на рожон. Думал, что фраера нашел, которого на пальцах можно развести. Не вышло. И теперь он совсем не прочь обратку включить.

– А кто ты такой, чтобы предупреждать? Лижешь Козырю – лижи! А мне предъявы не клей! Я такие предъявы не принимаю! Ну че стоишь, бычишься? Напустил в штаны, да? Так вали отсюда!

Фокс не мог не отреагировать на этот выпад. Хочешь не хочешь, а надо давать ответку. Иначе весь авторитет в тартарары. А видно, что пацан в авторитете. Возможно даже, правая рука Козыря.

– Значит, не понял! – прошипел Фокс.

И не угроза уже в его словах, а точка, которую ставят в конце предложения. Больше разговоров не будет.

Так и оказалось. Послышался знакомый щелчок выбрасываемого лезвия. Это значило, что Фокс готов кровью смыть нанесенное оскорбление. Что ж, будет ему кровь.

Вадик ударил первым. Резко, со всей силы – костяшками пальцев по печени. Фирменный удар заставил Фокса сложиться пополам. Раскрытое «перо» вывалилось из его рук. Вадик не стал его подбирать, у него своя «лисичка». Нож плотно лег в правую руку, остро отточенное лезвие молниеносно выскочило из своего гнезда. Правой рукой Вадик схватил Фокса за волосы, стремительно поднес нож к его горлу и

без промедления вспорол податливую плоть. Он прекрасно знал, что за этим последует, поэтому вовремя отскочил назад, чтобы не заляпаться хлынувшей кровью. Он умел убивать. Убивал, убивает и готов убивать дальше.

Не обошел он вниманием и зазывалу. А у того ствол. Как предчувствовал Вадик, так оно и оказалось. Но пацан замешкался. Пока пришел в себя от сильного потрясения, пока вытащил волыну, пока передернул затвор… Вадик опередил его. И с ходу пырнул ножом в живот – под левое нижнее ребро, снизу вверх, с проворотом, как учили. Нелегко упокоить человека с одного удара, но у Вадика опыт – он знает, куда и как бить.

– Эй, ты чего? – в ужасе взвыл следующий на очереди терпила.

У этого заточка. Но Вадику достаточно было вцепиться в него взглядом, чтобы она вывалилась из трясущихся рук.

– Не надо! Я не при делах! – взмолился пацан.

Видно, что из приблатненных. Но еще лучше видно, что очко у него из дерьмового мякиша.

– А че ты тогда здесь делаешь?

Вадик подошел к нему на опасно близкое расстояние. В руке нож. Рукоятка скользкая от крови. Это плохо. При ударе нож может выскользнуть из руки. А это лажа. Так, может, и не надо бить. И без того собран богатый урожай.

– Да я… Фокс сказал…

– Что тебе Фокс сказал?

Вадик не торопился. Если не считать двух трупов, то вокруг все спокойно. Ветер в кронах деревьев шумно гуляет, музыка приглушенно гудит. Людей поблизости не видать. Только он, Лимон, Миклуха и жертва.

– Он… Ему не понравилось, что ты Катьку деньгами кормишь.

– Ему не понравилось или Козырю?

– Ну, он Козырю позвонил. Там телефон.

– Козырь сейчас где?

– Дома. Проблемы у него.

– Что за проблемы?

– Я не могу… То есть не должен… Но если надо… Только не убивай… Я с вами, если надо…

– С нами? – злобно ухмыльнулся Вадик. – Тогда говори, если с нами…

– Сход был, Козырю по ушам дали… Я не должен был говорить, но раз я с вами… Да и зачем оно мне нужно с Козырем…

Дать вору по ушам – дело серьезное. Это можно сделать только по приговору воровского схода…

– Так что, Козырь уже не в законе?

– Да… Он косяк упорол… В стиры продулся, карта не так легла. Так он, чтобы долг отдать, лавэ общаковое дернул. Хотел вернуть, да не успел…

Вадика не очень волновало, за что Козырю дали по ушам. Был интересен сам факт. Если Козыря развенчали, то теперь

он простой смертный. Теперь за него никто не спросит. Мало того, если Козырь в опале, то его смерть могут списать на воровскую «торпеду». Братва решит, что его грохнули по приговору воровского суда. Тем более что за покушение на «общак» расплачиваются не только воровским саном, но и кровью…

– Забавную ты мне сказку тут рассказал, – оскалился Вадик.

– Да это не сказка. Разве ж с таким шутят?

– За такие шутки голову начисто срезают, – кивнул он, взглядом показывая на Фокса. – Так ты с нами?

– Ну, если не в падлу…

– Да не в падлу… Как зовут тебя?

– Чуля…

– Вот я думаю, Чуля, чего тебе за Козыря подписываться, если он уже не в теме? Правильно сделал, что к нам захотел. Мы – сила!

Вадик прекрасно понимал, что сила заключалась в нем самом. И в Лимоне. И в Миклухе, который не струхал перед Фоксом. А вот Чуля – фуфло. Веры в него нет и никогда не будет. Перед лицом смерти правильный воровской пацан должен вести себя достойно, а этот в штаны со страху наделал. В падлу такого за своего держать. Сейчас он предал Фокса, завтра предаст самого Вадика. Нет, не предаст…

– Да вижу, замес у вас крутой, – взбодрился Чуля.

– Ну тогда впрягайся, пацан.

Вадик уважительно посмотрел на Миклуху. Нормально пацан держится. Очко у него играет, но страх наружу не лезет.

– Ты как, братан?

– Нормально.

– Не ссы, со мной не пропадешь. Давай, подпрягайся, прибраться здесь надо.

Трупы оттащили подальше от кабака, сбросили в овраг и забросали мусором. Долго их искать будут… Вадик был не прочь присоединить к ним еще одного жмура. Но Чуля ему еще нужен.

– Где Козырь живет, знаешь?

– Да здесь, рядом. А зачем он вам?

– Ну как зачем? В гости к нему сходим, чайку попьем. Пусть извиняет, что без приглашения. Кто с ним?

– В смысле из телок?

– В смысле из быков. Охрана есть?

– А-а, это… Не знаю… Он обычно один ходит. А сейчас косяк за ним… Не знаю…

– Узнаешь… К нему сейчас пойдем. Позовешь его…

– Ну, я не знаю…

– Что, за «шестерку» себя держишь, да? Ты уже не «шестерка», братан, ты с нами – конкретным пацаном будешь. Так что не очкуй, все будет путем.

Куй железо, пока горячо. Вадик всегда придерживался этого принципа, поэтому до сих пор жив и все у него на мази.

Идти пришлось недолго. Козырь жил в небольшом домике недалеко от моря. Низкий шаткий забор, собаки во дворе нет, окна без решеток. Никаких мер предосторожности. Или у Козыря очко железное, или мозги набекрень.

– Ну, Чуля, настал твой час.

Вадик передернул затвор трофейной волыны. Ментовской «макаров», серьезная «игрушка». Скорее всего паленый ствол. Но кого это сейчас волнует?

В одном окне дома горел свет. Значит, хозяин дома. Или кто-то из его «шестерок». Но в любом случае Вадик должен был пробить ситуацию.

Калитка заперта, но легко открылась изнутри. Чуля просунул руку в щель между досками, отодвинул защелку и первым зашел во двор. Вадик за ним. Лимон и Миклуха остались в тени.

Дверь в дом открылась, когда до нее оставалось шага три-четыре. Но человек, ее открывший, на порог не вышел. И в сенях темно – никого не видно.

– Кто? – раздалось из темноты.

Вадик опасался, что невидимый человек вооружен. Но это не охлаждало его пыл. Его не покидала уверенность в том, что он идет по верному пути. Он должен был довести дело до конца.

– Да это я, Чуля… Проблемы у нас…

– Фокс где?

– Завалили Фокса…

– Чего? А ну иди сюда!

Вор должен был до конца разобраться в ситуации. Но он поддался эмоциям и подпустил к себе Чулю. И Вадика вместе с ним. А ведь он должен был узнать, кого привел с собой Чуля… За ошибки расплачиваются.

Из-за спины Чули Вадик различил человеческий силуэт. Да, похоже, вор был вооружен. Пистолет у него.

– А это кто с тобой? – спросил Козырь.

Наконец-то до него дошло, что Чуля мог привести за собой врага. Но было уже поздно… Вадик с силой толкнул Чулю вперед, и тот животом наскочил на ствол. Приглушенно прозвучал выстрел.

Вор стрелял, падая под тяжестью навалившегося тела. Он потерял и равновесие, и ориентацию в пространстве. Но даже если бы он устоял на ногах, Вадик все равно бы закончил начатое. Ему ничего не стоило выстрелить в голову. И он это сделал, когда тот рухнул на пол.

На этот раз от грохота, с каким прозвучал выстрел, заложило уши. Но Вадик надеялся, что шум на всю Ивановскую не распространится. С пистолетом в руке он обошел дом. Никого. Вернулся к телам. Чуля еще дышал, но было видно, что жить ему осталось недолго. Вадим полой куртки протер свой пистолет и вложил его в руку умирающего. Пусть менты грешат на него. И братва тоже…

2

Было уже поздно. Кабак опустел наполовину, но музыка еще играла. Правда, на сцене чудил только один бородач. Катерины не было. А ведь она не у Козыря, Вадик точно это знал.

Он осмотрел зал. И не обнаружил пацана, который пытался подъехать к Катерине на той же денежной козе. Стол, за которым он сидел, пустовал. Значит, и его дружки ушли вместе с ним. Там вроде бы две лярвы сидели. Увели их пацаны. Или на троих распишут, или на двоих. Что если нахальный паренек отказался от этих лядей в пользу Катьки? Что если она сейчас с ним? Ведь как она смотрела на него. Точно, проститутка!

Вадик чувствовал себя в кабаке полным хозяином. Не мог не чувствовать. Он и Козыря, и Фокса одной левой. И любому другому с такой же легкостью кровь пустит. Только лабух закончил петь, он прыгнул на сцену и с силой затащил его за кулисы. Тот даже не пытался сопротивляться. В глазах страх.

– Катька где? – свирепо спросил Вадик.

– Катерина? Ушла.

– Куда? Домой или к Козырю?

– К Алексею Васильевичу, что ли? Нет, она у него сегодня не была.

– А вообще бывала?

– Да, но какое тебе дело?

– Заглохни, гумоза! – рыкнул на лабуха Вадик. – Я спрашиваю, бывала?

– Да, у них роман. Она здесь редко бывала. А сегодня сразу на сцену. Алексей Васильевич сказал. И сразу такой успех.

– Что, бабла много скачала?

– Ну, и это…

– Где она живет?

– Я не знаю. Но у меня где-то адрес записан.

Мужик увидел кого-то за спиной Вадика. И тут же включил сирену.

– Виктор, меня здесь обижают!

Вадика покоробило от его свинячьего визга. Чмо натуральное!

– Что здесь такое?

Вадик оттолкнул от себя терпилу и повернулся лицом к опасности. На него надвигался внушительной комплекции мужик с мощными кулаками. Не блатной и не приблатненный. Но настроен решительно.

– Все в порядке, дядя! Я уже ухожу.

Вадик развернулся, якобы для того, чтобы уйти. Сбил мужика с толку и вновь повернулся к нему лицом, выбрасывая кулак ему навстречу. Но можно было обойтись и без этого маневра. На помощь Вадику спешили Лимон и Миклуха. Втроем они сбили терпилу с ноги и обрушили на него град ударов. Краем глаза Вадик заметил, что лабух пытается

скрыться под шумок. Но не позволил ему это сделать. Схватил его за шиворот, приложил мордой к стене.

– Так кого здесь обидели, падла? – взревел он. – Я те ща точно обижу! Адрес!!!

Мужик не стал больше пытать судьбу и не только назвал адрес, где жила Катерина, но и подробно объяснил, как к ней добраться.

3

Удивительное дело, Катя возвращалась домой одна, без сопровождения. Но Костя больше удивлялся самому себе. Надо же, догадался, что Катя скрылась за кулисами для того, чтобы покинуть ресторан. Он подкараулил ее на тропинке, которая вела к троллейбусной остановке. Но ему не хватило духу окликнуть ее, подойти к ней. Тенью проследовал за ней до остановки. А там она сразу же поймала желтую «Волгу» с шашечками. Он слышал, как она назвала свой адрес. Улица Советская, центр города. Еще бы чуть-чуть, и она уехала без него. Но Костя набрался смелости и нырнул за ней в машину. Попросил отвезти его на улицу Пролетарскую. Это рядом, в том же районе.

Она ехала впереди, он сзади. Заговорить он с ней не посмел. Зато первым протянул таксисту червонец. Сказал, что за двоих. И вышел из машины вместе с Катей.

Второй час ночи. На Советской улице светло, зелено. И

безлюдно. Даже ментов нигде нет. Сквер, аллея. Правда, долго идти не пришлось. Катя вдруг резко остановилась и развернулась к нему лицом.

– И что дальше? – спросила она, с добродушной насмешкой поглядывая на него.

Он должен был заговорить с ней, но вышло наоборот. И это его еще больше смутило… Странно все это. Обычно он перед девчонками не робел, а тут накатило.

– Идешь за мной, как тень. Молчишь. Ты что, немой? – подзуживала она.

Ее забавлял его растерянный вид.

– Интересный ты малый, на сцену ко мне лез как рубаха-парень, а сейчас молчишь.

– Да не молчу, – выдавил он.

– Как же не молчишь, если молчишь? – развеселилась она. – Стесняешься, что ли?

– Еще чего!

– Сколько тебе лет?

– Двадцать, – соврал Костя.

Он знал, что выглядел старше своих лет. Поэтому не боялся быть уличенным во лжи.

– Ну вот, двадцать лет, а ведешь себя как маленький… Зовут как?

– Костя.

– У меня брат Костя, двоюродный. Он сейчас в рейсе. А ты где работаешь?

– Рыбпромхоз.

Снова пришлось соврать, но кто скажет, что он не рыбак.

– На траулерах ходим.

– Зарабатываешь хорошо?

– Да не жалуюсь.

– А то я смотрю, деньгами швыряешься.

Что было, то было. Триста рублей на нее в общей сложности потратил. Как завтра пацанам в глаза смотреть? Ведь из общей кассы брал.

– Почему швыряюсь? Ты пела, я платил.

– Грош цена моему пению, – совсем невесело усмехнулась она.

– Не то ты говоришь. Классно у тебя получается.

– Зажигать да, получается. А петь – так себе. Думаешь, я не знаю, что вам всем нужно?

Костя не сразу понял, что смотрит на ее полуобнаженный бюст.

Как-то невольно все. Она же заметила, куда он смотрит. И ей не объяснить, что глаза без спроса упали в лиф ее платья.

– Вот это вам и нужно, – как на похабника посмотрела на него Катя.

– Да нет, это не нужно, – сконфуженно мотнул он головой.

– Не нужно?! – округлила она глаза.

– Ну, в смысле нужно, но не только это…

– А что еще? Скажи еще, душа нужна…

– Ну, это главное… Что за человек без души. Это не че-

ловек уже… Это… – Костя запнулся.

– Что это? – подстегнула его Катя.

– Что, что, сиськи ходячие! – выпалил он.

И дернул же его черт за язык. Но она не разозлилась. Напротив, взгляд ее потеплел.

– Ты не поэт. Нескладно, зато верно, – мягко улыбнулась она.

И тут же взгляд ее зачерствел.

– Только говорить вы все горазды, а как дело коснется, так за душой под юбку почему-то лезете. Скажи еще, что ты не такой.

– Почему не такой? Нормальный я. А не такой – он не под юбку, он в штаны лезет.

– Ты случайно не клоуном в цирке работаешь?

Это было чересчур. Даже для такой красавицы, как Катя. Костя обиделся, но не стал делать лицо кислой мордой. Он просто повернулся к ней спиной и молча направился куда глаза глядят.

Он прошел метров сто, прежде чем она догнала его. А ведь он даже не рассчитывал, что она пойдет за ним. Он просто шел по аллее.

Она тронула его за плечо. И этого вполне хватило, чтобы он остановился. Но поворачиваться к ней не стал. Она сама обошла его, встал к нему лицом.

– Эй, парень, что с тобой? Ты обиделся?

– Да нет.

– А уходишь чего?

– В цирк пора, на ночное представление.

– Опять шутишь. А еще обижаешься. Ну извини. Надо же, я еще извиняюсь, – удивилась она самой себе.

– Глупо все, да?

– Что глупо?

– Ну кто ты, а кто я.

– А кто я?

– Ну, ты звезда, а я непонятно кто.

– Нашел звезду! Ты что, издеваешься?

– Нет, просто говорю, что есть. Для меня ты звезда.

– А для других?

– Другие меня не парят. Э-э, не волнуют.

– А меня волнуют. То есть я хочу сказать, что я не отказалась бы стать звездой. Но это несбыточные мечты. Да и не о том речь.

– А о чем речь?

– Вот я и хотела бы у тебя об этом спросить. И у тебя, и у себя. Не понимаю, чего я к тебе привязалась.

– Это я к тебе привязался, – улыбнулся Костя.

– Ну да, сначала ты, потом я.

– Тебе не холодно? – спохватился он.

Середина июня на дворе. Дни жаркие, ночи вроде бы теплые, но Катя в одном платье, плечи у нее открытые, а с моря ветерок дует. А у него куртка джинсовая через плечо перекинута.

– Ну точно! – весело улыбнулась она. – Я за тобой побежала, потому что мне холодно. Куртку не одолжишь?

Он набрасывал куртку на ее плечи с такой осторожностью, как будто они были изваяны из хрупкого стекла. Одно неосторожное движение, и все вдребезги.

Катя наградила его милой улыбкой.

– Спасибо, ты очень любезен.

– Ты мне очень нравишься.

– О! Это что, признание в любви?

– Ну, не знаю, – смутился он.

– Ох, эти вздохи под луной… Как давно это было…

– Что, давно?

– Последний раз вот так меня провожали года три назад. Мы шли по этой вот улице, так же пахла магнолия.

– С кем шли?

– Да был один мальчик… Был, да весь вышел… А меня закрутило… Знаешь, как в той песне – закрутило, понесло. До сих пор несет… Но тебя это не касается…

Косте показалось, что он знает, что за грусть-печаль на нее вдруг навалилась. Прогулки под луной, поцелуи на лавочке – это одна романтика. А воровские «малины» – другая. Ведь ясно же, что Катя уже давно не девочка. Бары, рестораны, братва, деловые. А судя по всему, она дружила не абы с кем, а с самим Козырем. Не зря же она в балагане оказалась. А может, и не дружила. Может, пару раз подстелилась… А может, ничего и не было. Ни Козыря, ни блатной романтики.

Но у Кати глаза бывалой женщины. Что-то есть у нее от блатной кошки. Хотя он мог и ошибаться.

– Не касается, – с виду легко согласился Костя.

– Что, совсем не касается? – возмутилась Катя. – Тебе все равно, чем я живу?

– Не все равно.

– А может, ты думаешь, что знаешь про меня все? А ничего ты не знаешь, понял? И то, что я в ресторане пою, ничего не значит! И вообще чего я тут перед тобой распинаюсь!

Катя порывисто развернулась к нему спиной и стремительно направилась к своему дому. Костя остался на месте. Смотрел ей вслед. Жаль, что она уходит.

Но Катя если и собиралась уходить, то не смогла сделать это. Так же порывисто изменила направление на сто восемьдесят градусов и стремительно подошла к нему. Глаза горят, на лице недоуменное выражение.

– Что-то я не пойму тебя, парень! То бегаешь за мной, как привязанный, то стоишь, как баран!

– Я не баран, – покачал головой Костя.

– Да, но ведешь себя… И я как та овца… Ну чего я к тебе привязалась?

Вопрос она адресовала самой себе, но ответ получила от Кости. А ответил он не словом, а делом. Вплотную приблизился к ней, нежно и в то же время крепко обнял ее за плечи, привлек к себе. А если точней, она сама упала в его объятия.

Глава 4

1

Они сидели на лавочке под раскидистым каштаном. Место темное, спокойное. Ночь, благодать.

– Как же мне хорошо, – прижавшись к нему, изможденно прошептала Катя.

– Хотелось бы верить, – улыбнулся он.

– А я похожа на врунью?

Она с трудом разомкнула веки, чтобы выразить свое удивление.

– Нет… Но все так неожиданно. И быстро.

– Зато здорово. Только ты не обольщайся. Целоваться, например, ты не умеешь.

Она снова закрыла глаза и покорно уронила голову ему на плечо.

Не было уже сил ни целоваться, ни ласкаться. На душе умиротворение, кровь еще волнуется, но уже не бурлит.

– А не нравится, потому и не учился.

– И со мной не нравится?

– С тобой-то как раз очень. А с другими – ну его…

– И много у тебя было таких «ну его»? – вроде бы иронично, но в то же время с ревнивыми нотками в голосе спросила

она.

– Были, но это все не то… Одна ты – настоящая… Даже не верится, что я… что мы… Все так неожиданно…

– Но тебе ж *это*и нужно было?

– *Это*– не главное.

– Ну, ну. Все вы так говорите.

– Кто все? – встрепенулся Костя.

– Ой да ладно! Как будто неясно, что ты у меня не первый. Все ты знаешь. Не в деталях, но знаешь.

– У тебя кто-то есть?

– Есть. И если он узнает, что мы с тобой…

– Кто? Козырь?

– Сам догадался или кто-то подсказал?

– Сам.

– А говоришь, что моряк с траулера. Откуда ты такой взялся?

– Соленый квартал.

– У-у, теперь ясно, откуда ты такой прыткий.

– Я тебя в балагане раньше не видел.

– А меня раньше здесь вообще не было. Я в Ростов после школы уехала. Думала, сначала техникум, затем институт. Техникум закончила, а с институтом не вышло. Вернее, вышло, но не сразу, и то на заочный. Домой вот вернулась, с Лешей познакомилась.

– С Козырем, что ли?

– Ну да. Он в общем-то неплохой человек. Но с ним

страшно. У него какие-то проблемы, ему сейчас не до меня. А так шагу от себя не давал сделать. Если он узнает, что мы с тобой…

– И что будет? – Костя совершенно спокойно посмотрел на Катю.

– Ты же должен знать, кто такой Козырь, – удивленно повела она бровью. – Он же в законе. Он все может.

– А у меня натура дурацкая. Ничего не боюсь.

– Все так говорят.

– Это не слова.

Катя долго и внимательно всматривалась в его глаза.

– Ты что, правда, ничего не боишься? – изумленно спросила она.

– Говорю же, натура дурацкая.

– Может, ты сам из блатных?

– Нет, это не мое. Да и был бы я блатным, я бы близко к тебе не подошел. Козырь же в законе. А так мне на него наплевать.

– Ты так серьезно об этом говоришь, что мне становится страшно.

– За кого?

– Вообще страшно. И за себя, и за тебя. С Козырем лучше не связываться.

– А что в нем страшного? Обычный смертный. Такой же смертный, как и я.

– Ты же не станешь его убивать?

– Я что, на психа похож? Больно надо его убивать. Но если он круто наедет… Давай не будем об этом. Какой-то пустой разговор. Ведь ничего не случилось.

– Сегодня нет, а что будет завтра?

– Будет день – будет пища.

– Ты рассуждаешь как дикарь. Ты живешь сегодняшним днем.

– Ну, может быть.

– Так нельзя. Нужно думать о будущем.

– Только голову забивать.

– Не знаю, не знаю. Мне вот нравится мечтать. Знаю, что не быть мне звездой, а я все равно представляю себя на большой сцене. Я пою, а толпа на ушах стоит. Мне аплодируют, забрасывают цветами.

– Есть к чему стремиться.

– Ну наконец-то я услышала от тебя что-то умное. Да, есть к чему стремиться. А вот ты к чему стремишься?

– Не знаю. Хочу, чтобы все было, но мне за это ничего не было. Дом, семья, все такое.

– Дом, семья. А говоришь, не думаешь о будущем.

– Ну, будет это будущее – хорошо, а не будет… Короче, что будет, то будет.

– А со мной как? Тоже что будет, то и будет?

– Ну нет. Теперь ты моя. И никто тебя у меня не отберет. Даже Козырь.

– И на край света увезешь? – насмешливо, с долей шутки,

но не без серьезного умысла спросила Катя.

– Да хоть прямо сейчас.

– Значит, все-таки боишься Козыря?

Костя промолчал. Катя – красивая девушка, за нее хоть в огонь, хоть в воду. Но при всем своем к ней отношении он не хотел давать глупые ответы на глупые вопросы. Будет Козырь – будут и ответы. А сейчас говорить о нем – все равно что воду в ступе толочь.

– А я его боюсь. И уезжать отсюда не хочу. Так что ничего у нас с тобой не сложится, – печально усмехнулась Катя. – Да и не нужна я тебе такая.

– Какая такая?

– А такая-сякая. Знал бы ты, сколько у меня мужчин было. Да ты, наверное, догадываешься.

– Ты хочешь меня разозлить?

– Нет, я хочу, чтобы ты не зацикливался на мне. А я не хочу зацикливаться на тебе.

– Совсем не хочешь?

– Ну, не совсем. Нравишься ты мне, парень. Какой-то ты необычный. Еще влюблюсь ненароком, – лукаво улыбнулась она.

– А ты влюбись!

– Времени мало. Мне уже домой пора. Завтра вставать рано. То есть уже сегодня. Сколько там уже натикало?

Костя глянул на часы. Четвертый час ночи. Но ведь это совсем не поздно. Он готов был гулять с Катей сутки напро-

лет. Все дела бы забросил.

– Может, еще чуть-чуть?

– Нет, мне уже пора. Да не кисни ты, у нас еще все впереди, – подбодрила его Катя.

– А я от тебя еще и не отстану. И плевать на твоего Козыря.

– Да ты не волнуйся, я для него всего лишь забава. Вот увидишь, натешится и на другую переключится.

– Я, по-твоему, должен ждать, когда он тобой натешится? – хищно сощурился Костя.

– А у тебя есть другие предложения?

– Предложения?! А что если я предложу тебе стать моей женой?

– О-о! Ты продолжаешь меня удивлять! И что с того?

– Козырь не имеет права спать с моей невестой!

– И кто тебе такое сказал?

– Я сказал!

– Боюсь, Козырь тебя не услышит.

– Услышит. Я ему скажу об этом очень громко.

Костя не держал себя за злодея. Его не тянуло к насилию, и об убийстве он думал как о чем-то запретном. Но и в обиду он себя давать не привык. Он всегда отвечал ударом на удар. И Козырю даст ответ. Надо будет, пристрелит его, как бешеную собаку. Сначала грохнет его, а потом уже будет сожалеть и думать, как выкрутиться из ситуации. Дурацкая у него натура. Но какая есть.

– Задал ты мне задачу, – обеспокоенно посмотрела на него Катя. – Ты так серьезно об этом говоришь, что как бы до беды дело не дошло. Не принимаю я твоего предложения. И не надо считать меня своей невестой.

– Почему?

– Во-первых, глупо это. Ты меня совсем не знаешь, а уже замуж зовешь. Глупо, смешно.

– А во-вторых?

– Боюсь я Козыря. Очень боюсь. И за тебя боюсь. Слушай, а иди-ка ты отсюда! Свалился черт на голову!

– Я не прощаюсь.

Костя поднялся со скамейки, но не успел сделать и трех шагов, как она догнала его, вцепилась в его плечо.

– Ну ты точно чокнутый! Куда тебя понесло?

– Куда послала, туда и понесло.

– Сначала домой меня проводи, а потом чеши на все четыре!

Костя кивнул. Да, он проводит ее домой. Но Катя так хороша, так соблазнительна, а он снова изнывает от переизбытка сил. Она так желанна и так доступна. Зачем спешить?

– А может, я буду решать, что делать сначала?

Он не заставлял Катю вешаться себе на шею. Она сама, по своей воле, отдалась ему на этой лавочке… Может, для нее это всего лишь игра в любовь, но ему-то не до игр. Все, что произошло между ними, он воспринимает всерьез и надолго. И саму Катю воспринимает как свою женщину. Плевать на

Козыря. Плевать и на ее страхи. Если она и должна кого-то бояться, то самого Костю. Потому что она – его женщина. А он – ее мужчина, и он должен решать, как им быть дальше. Должен и будет решать.

– Эй, что за тон? – озадаченно спросила она.

– Нормальный тон. А домой тебе рано. Иди ко мне!

Костя схватил ее за руку, притянул к себе. Он не хотел быть грубым с ней, но и нежности ему явно не хватало. А Катя этого как будто и не замечала. И даже не пыталась возразить, когда он снова полез к ней под юбку.

– Только побыстрей, – закрывая глаза, прошептала она.

Что ж, побыстрей так побыстрей. На то и существуют любимые женщины, чтобы идти им навстречу.

2

Катя первой заметила подозрительных людей, стоявших под фонарем возле дороги. Три мужика и одна молодка. Костя еще не успел опознать их, а Катя уже схватила его за руку и потащила в кусты. У него не было никакого желания прятаться от кого бы то ни было, но сопротивляться он не стал – позволил спрятать себя от чужих глаз.

До Катиного дома рукой подать. Перейти дорогу, минута-две по короткому переулку, и они были бы на месте. Но путь им преграждал тот самый уголовный тип, с которым Костя схлестнулся в балагане. Тогда он пытался нагло и грязно

приставать к Кате. И сейчас, возможно, он поджидал ее на пути к дому.

– Ну и рожа у него! – из-за кустов глядя на своего почитателя, сказала Катя. – И у остальных не лучше. А эта курва… Что они здесь делают?

– Тебя ждут, – вслух предположил Костя.

– Тише ты! Они же рядом, услышат!

– Да пусть слышат. Пойду скажу им, что ловить им нечего!

Костя понимал, что связываться с этим «квартетом» опасно. Но не хотелось уподобляться трусливому страусу и прятать голову в песок. Он и в самом деле собрался покинуть укрытие.

– Сдурел ты, что ли! Стой! – зашипела на него Катя.

И мертвой хваткой вцепилась в его руку. Не думал Костя, что у нее может быть столько сил.

– Так нельзя, – покачал он головой.

– А как можно? Ты хочешь, чтобы они сначала с тобой разобрались, а потом со мной? Ну спасибо тебе!

Если она хотела, чтобы Костя ощутил себя кретином, то ей это удалось. Был бы у него «наган», можно было бы еще на что-то рассчитывать, а с одной финкой в кармане против трех уголовных рож не попрешь. В лучшем случае его забьют до полусмерти, в худшем – посадят на нож. Но, оказывается, был еще гораздо худший вариант. Оказывается, под раздачу могла попасть и Катя. Ее тоже могут посадить, но не только на нож… Нет, такой ход событий Костю никак не устраивал.

Жаль, нет при нем волыны. Нет круче аргумента, чем готовый к выстрелу ствол.

– Извини, не подумал.

– А ты вообще можешь думать?

– Не шуми.

– А-а, испугался!

– Да, за тебя.

– Кажется, все.

Она показала на остановившуюся «Волгу» с шашечками. Трое с девкой молча забрались в салон такси. Машина уехала. Катя облегченно вздохнула.

– Как же они узнали, что я здесь живу? – вслух у себя самой спросила она.

– Кто-то подсказал. А может, они здесь случайно. Поздно уже, вот нам и мерещится.

– Поздно, не поздно… Их вообще здесь не должно было быть.

– Почему?

– Да потому, что Фокс им должен был мозги вправить.

Кто такой Фокс, Костя спрашивать не стал. Даже если бы не знал, что это за личность, все равно бы не спросил.

– Должен был. Я же видела, как их выводили. А Фокса потом не видела. Что, если… – испуганно спохватилась Катя.

– Что, если?

– А если они Фокса убили?

– Фокса я знаю. Он ломом подпоясанный. А этих бакланов

не знаю. И даже знать не хочу. Да они тявкнуть на Фокса побоятся.

– А если не побоялись?

– Да, все может быть, – пожал плечами Костя.

О нем тоже в этом городе знали далеко не все. Но если бы он схлестнулся с тем же Фоксом, очко бы у него не сыграло. Дал бы ответку. И Антон с Ленькой не лажанулись бы. Уж на них-то положиться можно.

– Ох, чует мое сердце, не к добру все это!

– Ты завтра в балагане будешь?

– Да, должна.

– Лучше бы ты туда не ходила. Но если должна… В общем, завтра я там буду. И если эти козлы там нарисуются, пусть пеняют на себя.

– А вот этого не надо. Там и без тебя разберутся. Извини, мне уже пора. Хорошо с тобой было. Надеюсь, что дальше будет еще лучше. Но мне идти надо.

Костя проводил Катю до самого дома. Поцеловал ее на прощание и ушел в полном неведении, что ждет их обоих в самом ближайшем будущем.

3

Антон смотрел на него широко распахнутыми глазами.

– Не, ну ты жучара, братан! Такую деваху подцепить!

– Ты с ней это, ну того? – изобразил лыжника Ленька.

– Я ж не спрашиваю, что у тебя с Зинкой было, – неодобрительно глянул на него Костя.

Никого не должно касаться, что у них было с Катей.

– Да с Зинкой у Антона было, – отмахнулся Ленька. – У меня с этой… Ну как ее… С Ариной, во! Корова, в натуре. И мычит, и телится, а не то. Вот если бы с Катериной!

– И не мечтай!

– Что, и помечтать нельзя? – надулся Антон. – Не каждый день такую фифу увидишь. Может, я влюбился, а?

– И я! – поддакнул Ленька.

– Знаю я, откуда ваша любовь растет, – ухмыльнулся Костя.

– А у тебя как будто не оттуда?

– Уже нет, не оттуда. С Катей все по-другому. Она такая…

Костя не смог подобрать слов, чтобы выразить свое чувство. Да, Катя гулящая, может быть, и пропащая. И ему не все равно, какая она. Но раз уж угораздило его влюбиться, отступаться от нее он не намерен. А он влюбился. Чувствовал, что влюбился. Уж точно угораздило.

– Сами видим, какая, – буркнул Антон. – Может, и у нас чувства, да, Ленька?

– Угу!

– Хорош прикалываться.

– А если это не прикол?

– Тогда я не знаю, – Костя в замешательстве пожал плечами.

– А я знаю, сколько ты бабла на нее скинул. А это наши общие деньги, – напомнил Антон.

– Это что, предъява?

– А разве за «общак» не предъявляют?

– Из моей доли все вычтем. В долгу не останусь.

– А мы не оговаривали, из какой доли эти бабки. Значит, они общие. Значит, мы их вместе в Катерину впарили.

– К чему ты клонишь? – сурово нахмурился Костя. – К тому, что Катерина общая?

– А хотя бы и так!

– Так не бывает.

– Бывает!

– Но не в нашем случае. Катя – моя!

– Да твоя, твоя! – расплылся в улыбке Антон. – Ты че, шуток не понимаешь?

– Таких – нет. Ты так больше не шути, ладно?

– Ну а если это не совсем шутка? Если я тоже в Катерину втюкался? И Ленька, да?

– Угу.

– Тогда выходит, что Катя стала для нас яблоком раздора.

– Ну, я не думаю, что дело до раздора дойдет, – пошел на попятную Антон.

– А я думаю. Не дело нам из-за бабы вразнос идти, – с самым серьезным видом сказал Костя.

– Это ты о чем? – озадаченно посмотрел на него Ленька.

– А о том, что Катя никому из нас не достанется!

– Ты что, серьезно? – опешил Антон.

– А ситуация такая, брат. Если я с Катей, то без вас. Если с вами, то без нее.

– Да ладно тебе!

– Не ладно. Что это за команда, если в ней грызня?

– Да какая грызня?! Мы же пошутили.

– А если нет?

– Ну, нравится мне Катерина, врать не буду. Но не терять же друга из-за нее… Она ж тебе обломилась, пусть с тобой и будет.

– Угу! – подтвердил Ленька.

– Так что не парься, братан, все нормально! Не нужна нам твоя Катерина! Но если вдруг какие-то проблемы…

– А проблемы есть.

– Выкладывай, вместе решать будем.

– Проблема – это Козырь.

– А я знал, что так будет, – ничуть не смутившись, сказал Антон. – Козырь и балаган кроет, и тех, кто в нем поет. Не в обиду сказано.

– И не в обиду, и в тему, – кивнул Костя.

– Там еще один черт есть. Вчера который на сцену лез.

– Да помню, отморозок какой-то. Он что, к Катерине клеится?

– Что-то вроде того.

– Не знаю, что это за фрукт, но мы с тобой, брат.

– Замазано! – подтвердил Ленька.

– Зато ясно, что Козырь за фрукт, – в невеселом раздумье сказал Костя.

– А у нас стволы. Когда иду я в балаган, я заряжаю свой «наган». Где мой любимый «наган», а?

– А я обрез возьму, – спокойно, как о чем-то само разумеющемся, сказал Ленька. – Ты только скажи, когда в балаган идем?

– А сегодня и пойдем. Стволы возьмем. Но сначала бы выспаться. Вижу, что и у вас ночка веселая была.

– Да, повеселились, – расплылся в ухарской улыбке Антон.

«Завтра» уже наступило. Похоже на то, что предстоящая ночка будет не только веселой, но и жаркой. Возможно, прольется кровь. Но Костя не задумывался над тем, что будет впереди. И Антон с Ленькой не мучили себя сомнениями. Все втроем они завалились спать и очень скоро погрузились в крепкий сон.

4

Ведь я – проститутка, я фея из бара,
Я – черная моль, я летучая мышь…

Катя пела душевно, с чувством. Но Косте очень не нравилось, как она поет. Не хотел он видеть в ней проститутку и фею из бара. Какая же она черная моль?

Сегодня она в другом наряде. Платье покороче, но декольте не такое смелое – больше чем наполовину прикрытый бюст из лифа не вываливается. Зато ножки открыты по всей длине. А ножки у нее потрясные. Мужики слюной исходят, глядя на них. Правда, на сцену с высунутыми языками никто не лезет. Песни заказывают, но через официанток или через бородатого музыканта. Некому лезть на сцену. Вчерашнего баклана с его компашкой не наблюдалось. А Костя держал себя в рамках.

Какого черта раскидываться деньгами, если Катя и без того упадет к нему в руки. Не сегодня, так завтра. Но лучше сегодня.

Народу в балагане было не в пример меньше, чем вчера. Блатных почти не было, в основном приблатненная шпана и морячки. И шалав портовых кот наплакал. А сама обстановка какая-то тоскливая. Как будто кто-то умер.

На последней ноте Катя поймала Костю глазами и показала на дверь. Неужели она уже собирается отправиться домой?

– Несравненная Екатерина Кравцовская! – Бородач пропел дифирамб в ее честь и сам стал к микрофону.

Катя скрылась за кулисами. Костя же направился к выходу из ресторана. Антон и Ленька последовали за ним, но присоединяться не стали. Они должны были держаться в отдалении.

Катя не заставила себя долго ждать. Она шла к остановке

той же тропинкой, что и вчера. Она испуганно вздрогнула, когда Костя вывалился из темноты и преградил ей путь.

– Гоп-стоп! Мы подошли из-за угла! Ты чего такая напуганная?

– А того… Пошли скорей!

Сначала она огляделась по сторонам, а затем уже ухватила его под руку и чуть ли не силком потянула к остановке. Она очень спешила.

– Что стряслось?

– Потом расскажу. Страшно мне.

– Не бойся, со мной пацаны.

– Да что вы можете?

– Не говори так.

Костя отвел в сторону полу куртки, обнажая рукоять спрятанного под ней «люггера».

– Ничего себе! – ужаснулась Катя.

И тут же успокоилась. Перешла на обычный шаг.

– А откуда у тебя пистолет? – спросила она.

– Дедушка с войны прислал.

– Да ладно тебе!

– Честное слово. Только не знаю, чей дедушка, но то, что с войны, – точно.

– Ты меня заинтриговал.

– Ты меня тоже. Может, все-таки скажешь, что случилось?

Они вышли на дорогу. Костя поднял руку, чтобы остановить шедшую на них машину, но та даже ход не сбавила.

– Козыря убили! – испуганно сообщила Катя.

– Да ну! – оторопело уставился на нее Костя.

– А ты не знал?

– Нет.

– Все знают, а ты нет.

– Я же не блатной и даже не приблатненный.

– Ну да. Короче, убили Козыря. И Фокс куда-то исчез. Менты думают, что Козыря Чуля убил. Ну, это детали, кто и что. В общем, менты одно думают, а братва другое. На Цепня грешат.

– На какого Цепня?

– Наш Вадик был на все горазд, он пианист и педагог, – нервно хихикнула Катя.

Костя хорошо помнил эту строчку из «балаганной» песни. Но при чем здесь какой-то Вадик?

– Что-то я тебя не пойму.

– Поймешь. Сначала машину поймай, а потом понимай. Уйди! Дай покажу, как это делается!

Она сама вышла на дорогу. Подол платья она задирать не стала – по причине его почти что полного отсутствия. Но эффектно выставила напоказ свою ножку. И очень волнующе провела рукой по своему бюсту. Проезжай мимо машина с покойником, и тот бы выскочил из гроба, чтобы глянуть на эту красоту. А на Катю шел «Москвич» с лихим джигитом за рулем. И он с такой силой ударил по тормозам, что машина чуть через капот не перекувыркнулась.

– Паехалы, красавиц, да! – высунулось из окна дитя гор.

Но Костя так посмотрел на него, что у него и челюсть отвисла, и все остальное.

Он помог Кате забраться в машину, сел рядом на заднее сиденье. И пацаны тут как тут. Антон умостился спереди, Ленька втиснулся между Костей и закрывшейся дверью.

– Э-э! Зачем так много!

И акцент вдруг куда-то пропал.

– Замолчи! – рыкнул на него Антон.

И если бы не Костя, вовремя хлопнувший его по плечу, он бы точно засветил свой ствол – угрозы для.

Джигит не стал пытать судьбу и отвез пассажиров по указанному адресу. И снова Костя оказался на Советской улице. Вместе с Катей. Антон и Ленька отошли в сторону, чтобы им не мешать.

– Так что там за Вадик? – спросил он.

– Вадик Цепень, кличка у него такая. Две ходки, все такое… Беспредельщик, короче. Из-за меня с Фоксом поцапался. А затем и на Козыря наехал, с летальным исходом. Но хитро так все сделал, как будто Чуля Козыря застрелил. Но братву не проведешь, они знают, откуда ветер дует. Поэтому и не было сегодня Вадика в балагане. А появись он, голову бы оторвали. Хотя не уверена.

– В чем ты не уверена?

– Да не очень-то его хотят поймать. Знаешь, какие у Козыря проблемы? Вернее, были. Развенчали его. А Вадик этим

воспользовался. Хотя, может быть, и не он это. Козыря могли заказать. А может, его Цепню и заказали. Он страшный человек, этот Цепень. Братва не очень-то хочет с ним связываться, я это по разговорам поняла.

– Заказали – это как? Что-то я не совсем понял.

– Ну, наняли Вадика. Воры могли нанять, чтобы с Козырем счеты свести. Там так напутано, что голова кругом идет. И до меня, к счастью, дела нет. Другим нет, а Цепню есть. Что ему стоит ко мне подъехать, он же во всем горазд. Отведи меня домой, страшно мне.

– А дома у тебя кто?

– Мама.

– Она тебя защитит, да?

– Нет, – спохватилась Катя. – Они же вчера ночью к ней приходили, ну, когда мы гуляли. На два пузырька корвалола ее напугали. Нет, мама меня не защитит.

– Тогда поехали ко мне.

– А у тебя что?

– Ну, мы с пацанами две комнаты снимаем. Одна комната – твоя. Ты только скажи.

– Да я-то скажу. С вами как-то спокойней. Можно, я у вас недельку поживу? Пока все не успокоится.

– И поживешь у нас, и в балаган под охраной ходить будешь.

– Ну нет, с балаганом все, я туда больше ни ногой. Хватит с меня.

– Тем лучше. Ну что, едем?

– Да. Только я домой на минутку загляну, вещи соберу.

– Да хоть на две.

Это будет просто здорово. Потому что Катя не будет больше гулять. Теперь она всегда будет под присмотром. А уж Костя постарается сделать так, чтобы ее никогда не тянуло на других мужиков. Все, отгуляла она свое!

Через подворотню они зашли в тесный двор-колодец. Здесь и днем, наверное, темно, а ночью была бы мгла непроглядная, если бы не тусклая лампа под железной тарелкой. Правда, ее хватало лишь на серединную часть двора, окраины же утопали в темноте. Ночь, поздно, люди уже спят. Тишина вокруг гробовая. Только слышно, как скрипит качающийся на ветру фонарь.

– Ты здесь побудь, а я быстро.

Катя потянулась к нему, быстро поцеловала в щеку.

– А меня? – послышался из темноты чей-то насмешливо-хищный голос.

Из той же темноты вышли двое. Знакомые лица. Вадик Цепень и его дружок. Небрежная походка, руки в брюки. Костя понял, что ничем хорошим эта встреча не закончится. И, как назло, Антон и Ленька остались ждать его на улице.

Глава 5

1

Нет ничего важнее человеческой жизни. Этому капитана Миронова учили в школе милиции, к этому же призывал голос разума. И он свято верил, что так оно и есть. Может, потому и напросился в свое время в отдел по раскрытию особо тяжких преступлений. И хотя несколько лет работы по убийствам внесли в душу определенную долю цинизма, он по-прежнему сострадал потерпевшим и горел желанием посчитаться с убийцами. Но сегодня ему не было жаль человека, ставшего жертвой преступного произвола. Да и какой он человек, если сам преступник. Застрелил своего криминального шефа и сам получил смертельно опасное для жизни ранение. Дважды судимый Александр Чулков, кличка – Чуля.

Он был без сознания, когда на место происшествия прибыл наряд милиции. Без сознания он пробыл всю ночь и большую часть дня. Он медленно, но неотвратимо умирал. И капитану Миронову нисколько не было его жаль. Как не жалел он погибшего от его руки вора в законе по кличке Козырь. Собакам собачья смерть.

Александр Чулков умирал в тюремной больнице. А Дмитрий Миронов собирался ехать домой. У жены сегодня был

день рождения. Сегодня в городе произошло громкое убийство, но картина ясна, и начальник отпускает его домой.

Начальник зашел в кабинет в тот момент, когда Миронов запирал несгораемый сейф, в котором спрятал на ночь служебную документацию.

– Дима, есть работа.

Капитан понял, что его планы на вечер накрылись медным тазом.

– На больничку нужно съездить, там Чулков оклемался, показания надо снять.

– Так поздно уже, восьмой час. Может, завтра?

– К завтрему он коньки отбросит.

– Еду, – обреченно кивнул Дмитрий.

Было уже восемь часов вечера, когда он подъехал к зданию городского следственного изолятора. Процедура допуска не заняла много времени, и минут через десять по прибытии он заходил в палату тюремной больницы. Но, как выяснилось, он немного опоздал. В изголовье больничной койки сидел следователь прокуратуры Семенчук. Средних лет мужчина с большой головой и непропорционально маленьким носом. Увидел Дмитрия, махнул рукой. Все его внимание было приковано к раненому преступнику, который действительно был в сознании и уже давал показания.

– Это не я… Это Вадик… Он швырнул меня на Козыря… А потом сам в него выстрелил…

– Да, но ведь оружие, из которого, по предварительным

данным, был убит гражданин Сотников, было найдено при вас…

Пистолет Макарова находился на экспертизе, еще нельзя было утверждать, что именно из него был убит Козырь. Утверждать нельзя, но предположения делать можно.

– Это не мой ствол… – вяло возразил Чулков. – Это Пимена ствол…

– Какого Пимена?

– Ну, Паша Пименов, мы вместе с ним были. Он, я и Фокс… Вадик Фокса сначала завалил, затем Пимена. Меня хотел на нож посадить… Не стал убивать. К Козырю повел. Типа поговорить. Поговорил. Меня под раздачу и самого Козыря в расход… Вы взяли Вадика, а? Вязать его, гада, надо…

Семенчук обратил к Миронову красноречивый взгляд. Всем своим видом он давал понять, что Чулков натурально бредит… Но Дмитрий с ним не согласился. От своего информатора он уже слышал версию о каком-то Вадике Цепне, который схлестнулся с Козырем из-за какой-то певички. Эту версию выдвигали блатные, но в глазах видавшего виды оперативника она не выдерживала никакой критики. Поэтому он и не воспринимал ее всерьез. До тех пор, пока Чулков не стал рассказывать об этом Вадике.

Кивком головы Дмитрий показал следователю, что Чулкову можно верить, но с оглядкой на обстоятельства. А обстоятельства – это трупы Фокса и Пимена, на мысль о которых наводили показания их дружка.

Семенчук понял все правильно.

– Значит, твой Вадик убил Фокса и Пимена?

– Да, – выжал из себя Чулков.

Он уже не смотрел на следователя. Тускнеющий взгляд тупо был устремлен в потолок.

– И где трупы?

– Это, балаган… Там от него… метров двести… Овраг там… Ветки, мусор, все такое… Под ним Фокс лежит. И Пимен… Езжайте, поглядите…

– Посмотрим, посмотрим…

– И кто такой этот Вадик?

– А болт с бугра. Но круто закрученный болт. Он с Фоксом из-за Катьки.

– Екатерина Кравцовская, певица из балагана? – уточнил Миронов.

– Ага. Он глаз, падла, на нее положил, а она с Козырем тусуется. Фоксу не понравилось. Нет Фокса…

– И как нам этого Вадика найти?

– Они что-то про Соленый квартал говорили. Хавиру они там снимают. Где точно, не знаю. Да и нет их там. Им теперь шифроваться надо после Козыря. Хреново мне. Больно. Врача позовите, пусть укол… Морфина бы чуток… Ну хоть чуток, а?

Семенчук позвал врача, а тот выставил его вместе с Мироновым за дверь.

– Ну, что скажешь? – вопросительно посмотрел на Дмит-

рия следователь.

– Что, что… Страсти, как в индийском кино.

– Вот и я не верю, чтобы Козыря из-за какой-то шлюхи застрелили.

– Шлюха не шлюха… Козырь – вор в законе. Но ходят слухи, что его разжаловали. Сход был, там его и развенчали. Не знаю, за какие грехи, но факт вроде бы состоявшийся. После схода воры могли «торпеду» к нему отправить. Этим убийцей и мог быть тот самый Вадик. А певица – это всего лишь повод. Хотя… Темный лес, короче.

– Темный лес, в котором прячутся два трупа, – скептически усмехнулся Семенчук. – Не верю я в это.

– Все может быть.

Легче всего было согласиться со следователем, махнуть рукой на два пока еще гипотетических трупа и отправиться домой, к семье. Но совесть оперативника не давала Миронову покоя. Он должен был убедиться в том, что Чулков наврал. Или наоборот.

– Что там за балаган такой? – спросил Семенчук.

– Да ресторан, на Приморской улице. «Вымпел» название…

– Ну знаю. Название какое-то дурацкое…

– А его так никто и не называет. Блатные быстро его переименовали. Официально «Вымпел», неофициально – балаган. Помнишь песню: в шумном балагане… И этот балаган из той же оперы. Жулики, бандиты, воры всех мастей. Про-

ститутки, наркоманы. В общем, вся шваль портовая. Да ты должен знать, сколько мы дерьма оттуда вытащили.

Миронову не раз приходилось бывать в балагане. Сначала разработка, затем облавы. Однажды пострелять пришлось – какой-то беглый зэк пистолет Стечкина достал, огонь открыл. Пришлось его упокоить, а как же иначе. В общем, веселое место этот балаган. Не зная броду, в этот омут лучше не соваться.

– Ну что, поедем? – с кислым видом спросил Семенчук.

Мужик он в общем-то неплохой, ответственный, но ведь и у него есть личные проблемы, а когда их решать, как не в свободное от службы время. А именно этого времени он и не хотел сегодня лишаться. Но и через долг службы переступать он тоже не желал. Так же, как и Дмитрий.

– А куда деваться?

Миронов вызвал наряд патрульно-постовой службы и в его сопровождении вместе со следователем отправился к ресторану «Вымпел». Пока суд да дело, шло время. Поэтому на место предполагаемого происшествия он прибыл в половине десятого вечера. Не самое позднее время для июня, но нужно было поторапливаться, а то уже темнело.

Дмитрий торопился. И себя подгонял, и патрульных. В конце концов трупы были найдены – извлечены из-под груды мусора. Действительно, два трупа. У одного потерпевшего было вскрыто горло, другой просто проткнут ножом.

– Надо вызывать бригаду, – обреченно вздохнул Семен-

чук.

Кто-кто, а Миронов прекрасно его понимал. Ему тоже хотелось домой, но…

– Хорошо бы место, где произошло убийство, осмотреть.

– А где оно?

– Не выяснили. Надо будет с Чулковым поговорить.

– Давай завтра. У нас и без того работы выше крыши.

Над городом уже сгустилась тьма. Фонарей поблизости не наблюдалось, поэтому прибывшим на место экспертам приходилось работать под светом автомобильных фар.

Работа затянулась до полуночи. Трупы описали, вывезли в морг.

– Теперь можно и домой, – решил Семенчук.

– Да ты поезжай, – кивнул Миронов. – А я в этот чертов балаган загляну.

– Зачем? – удивленно посмотрел на него следователь.

– А с Екатериной хочу поговорить. Кабак до двух работает, она еще должна быть на месте. Она ж певица.

– Да пусть себе поет. А ты ее к себе повесткой завтра вызовешь.

– Вот повестку я ей и вручу. Прямо сейчас. А лучше поговорить с ней на месте. Портупеей чую, на нее все завязывается. И узелок этот сегодня и срубим.

Дмитрий тоже хотел отправиться домой, но оперативные инстинкты взыграли в нем не на шутку. Он нутром чуял запах добычи. И как тот охотничий пес, уже сделал стойку. Ви-

димо, что-то почуял и Семенчук. Поэтому он отправился в ресторан вслед за Дмитрием.

Но там их ждало разочарование. Екатерина Кравцовская уже закончила выступление и отправилась домой. Но Миронов не отступался. Предчувствие скорой добычи продолжало будоражить воображение. Он выяснил адрес, по которому проживала певица, и на оперативной машине отправился к ней.

2

В окрестностях Тепломорска – высокие горы. Но Вадику они по плечо. И море по колено. А подстреленный Козырь – так себе, мелкая сявка. Нет никого в этом городе круче, чем Вадик Цепень. Он никого не боялся. И балаган сегодня обошел стороной вовсе не потому, что с него могла спросить блатная шваль. Весь день он сладко спал, вечером сладко пил – казенную водочку под соленый огурчик да под сочную улыбочку разговевшейся Зойки. Она сама соблазнила его, затащила в свою каморку, а тут Лимон… На Вадика он наезжать не стал, побоялся. Но Зойку вместе с ним не отпустил, оставил ее дома – разборки будет клеить. Но Вадику все равно, что он сделает с этой лярвой. Ни Лимон ему не нужен, ни Зойка. Пусть развлекаются как могут. А у него сегодня по плану – свои утехи. В кабак он не пошел, чтобы не смущать Катерину. Он взял с собой Миклуху и прямиком отправился

к ней домой.

Двор там хороший. Темный, людей мало. А еще там подвал неплохой. И замок на двери обычным гвоздиком легко отпирается. В подвале затхло, пахло плесенью и пылью. Но все эти неприятности с лихвой компенсировала старая продавленная кушетка, на которой Вадик и собирался поговорить с Катериной о любви. Разговор будет короткий – по мордасам, если начнет бузить, и в койку. Сломать березку нетрудно. Тем более что эта березка уже не раз ломаная. И Козырю стелила, и другим. И Вадику стелить будет. Сначала он возьмет ее нахрапом, а потом она сама будет ползать за ним на коленях и умолять, чтобы он ее трахнул. Все это будет. Обязательно будет. Главное, дождаться Катерину. Она и пикнуть не успеет, как окажется в подвале. Там и замуж выйдет.

Вадик рассчитывал провести в ожидании всю ночь. Но Катерина появилась в начале первого. И не одна. Кавалер с ней. Тот самый парень, который подмазывался к ней накануне. А ведь его предупреждали. Может, отдать его Миклухе? Пусть пацан приобщается к тюремным развлечениям.

– Ты здесь побудь, а я быстро.

Катерина чмокнула своего кавалера в щеку. И это еще больше разозлило Вадика.

– А меня?

Вместе с Миклухой он вышел на свет, преграждая сладкой парочке путь.

Ну вот сейчас несмышленыш и сядет на задницу. Нет никого круче Вадика, и он должен это понимать. Фокса одной левой, Козыря – одной правой. А на этого хлопчика достаточно будет кашлянуть, чтобы его хватил кондратий.

– Ты в пролете, – резко, но при этом невозмутимо спокойно сказал паренек.

Кажется, он еще не понял, с кем имеет дело.

– Костя, не надо!

Зато Катерина все прекрасно понимает. Заметалась, сучка.

– Ты слышал, чувак? Свали, пока я еще добрый!

Вадик врал: не было в нем доброты. Внутри все закипало от злобы. Но у несмышленыша еще был шанс выйти сухим из воды. Мараться об этого сопляка неохота. Хотя и без того руки по локоть в крови. Но если парень запупнется, пусть пеняет на себя.

Костя ничего не сказал. Но и уходить не стал. Стоит, молча смотрит на Вадика. Потрясающее спокойствие. Смотри, глаз не отводит. Чувствуется уверенность во взгляде и сила. Подавляющая сила. Но Вадика этим не пронять. Его не пересмотришь. Он сам кого угодно задавит – и взглядом, и так.

– Ты че, не врубаешься? – еще больше набычился Цепень.

– Ты неправ, – покачал головой паренек.

Одно из двух – или он псих, или чересчур в себе уверен. Скорее первое… Но где сказано, что психов нельзя убивать?

– Значит, не понимаешь, – хищно прошипел Вадик.

До подвала рукой подать. Миклуха затащит туда труп, а он – Катерину. Но труп сначала нужно сделать. Это не проблема. Не понимает парень по-хорошему, что ж, тем хуже для него. А может, все-таки дать ему еще один шанс?

Вадик тряхнул рукой, и в ладонь легла рукоять выскочившего из рукава «кнопаря». С грозным щелчком выбросилось из паза остро заточенное жало. Сейчас парень должен задать стрекача. Иначе клинок по самую рукоять войдет ему в брюхо, под нижнее левое ребро. Он должен это понимать.

Кажется, понимает. Подался назад. Сейчас побежит. И Катерину на растерзание оставит. Пусть бежит. Пусть певучая сучка поймет, какого «героя» выбрала себе в кавалеры.

Но парень застопорился. Отошел на пару шагов назад и застыл как вкопанный.

– Вали отсюда! – прикрикнул на него Миклуха.

Вадик же не собирался отпускать от себя этого недоумка. Не использовал свой шанс, так пусть умирает. Пусть умрет на глазах своей уже бывшей подружки.

– Валить?! – усмехнулся парень.

Вадик шагнул к нему, оттягивая в сторону руку с ножом – чтобы чиркнуть его лезвием по горлу. Но сам застыл как вкопанный, наткнувшись на выставленный в его сторону ствол. Похоже, немецкий «парабеллум». Ничего себе!

– Эй, братишка, ты че, шуток не понимаешь?

Вадик осторожно опустил руку с ножом, выдавил на лице заискивающую улыбку. Надо сбить парня с толку. Дого-

вориться с ним. А когда он раскиснет, насадить его на нож. Вадик был уверен, что сумеет договориться.

– Не понимаю, – качнул головой Костя. – Валить так валить.

Вадик видел, как его палец шевельнулся на спусковом крючке.

Но и в этот миг его не покинула уверенность, что ничего не произойдет. Но грянул выстрел, и пуля без спроса ударила его в грудь. Острая, лишающая рассудка боль взорвала Вадика изнутри, и он провалился в небытие еще до того, как его тело рухнуло на землю.

3

Меньше слов – больше дела. Именно такого принципа придерживался Костя в общении с такими ублюдками, как Вадик. Была еще одна истина, которую исповедовал блатной мир.

Достал нож – бей. Достал ствол – стреляй. И Костя выстрелил. Ни разум не дрогнул, ни рука. Не хотел он убивать, но иначе нельзя. Иначе бы Вадик зарезал его, а Катю бы сначала изнасиловал, а потом в расход.

– Э-э-э! Нет, нет! – забился в панической истерике дружок Вадика.

– А может, да?

Костя навел на него пистолет. Не дрогнет у него рука. Но

стоит ли убивать этого недоумка? Совсем еще молодой пацан, бестолковый. Может, по глупости с Цепнем связался.

– Сдернул отсюда!

Парень не заставил его повторять дважды. И метнулся в сторону подворотни. Но оттуда уже бежали Антон и Ленька. И у этих стволы. Но стрелять они не стали. Сбили беглеца с ног и принялись катать его по земле.

– Что же это такое? – схватилась за голову Катя.

– Так иногда случается, – пожал плечами Костя.

– Но так же нельзя! Как ты мог?

– Так и смог.

– Ты просто чудовище какое-то!

– Я всего лишь защищался.

Костя хотел сказать еще несколько слов в свое оправдание, но в этот момент как резаный заорал Ленька.

– Атас! Менты!

Он и Антон разом бросили жертву и рванули в обратную от подворотни сторону. В этот же момент Костя автоматически отбросил в сторону пистолет. Как будто кто-то за руку дернул. Зато ноги остались на месте.

– Эй, куда? – крикнул он вслед убегающим.

– Там есть выход! Давай сюда!

Катя схватила его за руку и потащила к своему подъезду. Но едва они повернулись лицом к входным дверям, как во двор влетел ментовской «козел» с бесшумно вращающимися мигалками.

4

«Уазик» с трудом протиснулся в длинный и узкий лаз подворотни.

– Быстрей, быстрей! – поторапливал водителя капитан Миронов.

Через открытое окно его слух уже уловил характерный звук пистолетного выстрела. Стреляли во дворе дома, где жила Екатерина Кравцовская. Значит, оперативное чутье не подвело его. Что-то здесь неладное творится.

В конце концов машина, как пробка из тесной горловины бутылки, выскочила во двор. Освещение слабое. Но Дмитрий успел увидеть две фигуры, метнувшиеся к подъезду.

Он мигом выскочил из машины. Пистолет уже в руке. Появившиеся вслед за ним патрульные кинулись за одним убегающим в одиночку парнем, а он бросился к подъезду.

– Стоять! Милиция!

Но беглецы и не думали останавливаться.

– Стой! Стрелять буду!

Он произвел предупредительный выстрел в воздух, зная, что на поражение стрелять не будет. Права такого не имел. Беглецами могли оказаться ни в чем не повинные жители этого дома. И хотя это вряд ли, но рисковать Дмитрий не стал.

– Стоять, я кому сказал!

Он всегда был отличником боевой и политической подготовки – и в армии, и в школе милиции. И на нынешней службе держал себя в форме. Выступал за городское УВД на спортивных состязаниях, показывал отличные результаты в многоборье и беге на спринтерские дистанции. И сейчас он как метеор ворвался в подъезд. По пути перепрыгнул через валявшееся на земле тело. С этим надо будет потом разобраться. Замешкавшихся беглецов он настиг на лестничном пролете между первым и вторым этажом.

– Катька, беги! – крикнул субъект мужского пола и развернулся к Дмитрию лицом. И в тот же момент выбросил вперед сжатую в кулаке руку. Но капитан Миронов был начеку. Блок, захват, прием. Непросто преступнику совладать с матерым опером. А именно на такого опера он и нарвался.

– Ну зачем же ты так, парень?

– Эй, дядя, ты чего?

Где-то на втором этаже хлопнула дверь.

– А ты чего?

Дмитрий защелкнул наручники на сведенных за спину руках, оторвал парня от пола. Обыскал его. Ничего.

– Ты что, мент? – изобразил удивление тот.

– А то ты этого не понял, – усмехнулся Миронов. – Как будто не слышал, что я кричал вам вслед.

– Значит, из ментовки. Ну тогда ладно.

– Что ладно?

– А то мы думали, что это убийца вернулся.

– Откуда вернулся?

– Ну, не знаю. Мы с Катей в подъезде стояли. Слышим, выстрел. Выходим из подъезда, никого. Только труп лежит. А потом смотрим… – парень запнулся.

Похоже, зашел в тупик. Что ж, Дмитрий готов помочь ему из него выбраться.

– Что вы увидели? Как убийца на машине с мигалками подъехал? Ты кого лечишь, дружок? Уркам в камере будешь сказки сказывать. Если они слушать будут.

– Какая камера? Что я сделал?

– Человека убил, вот что. Мой тебе совет, сознайся во всем, получишь явку с повинной. Нет – будешь долго потом об этом жалеть.

– Я?! Человека убил?! Дядь, вы че?

Парень явно был из той породы людей, которые располагают к себе своей серьезностью и солидностью в поведении. Потому и не получалось у него изображать из себя простака. Миронов видел его насквозь. Молодой парень, лет двадцать. Но ему бы хватило внутренней силы, чтобы застрелить человека. И наверняка хватило…

– Хорош комедию ломать.

Дмитрий вывел его во двор, где он нос к носу столкнулся с другим задержанным. Такой же молодой парень. С разбитой в кровь губой. Это за ним бежали в темноту патрульные. Взяли его, подвели к машине. За ним шел запыхавшийся Семенчук.

– Там еще двое были. Через забор ушли, – пытаясь успокоить дыхание, сообщил он. – Не догнали. А этот хромал…

– Оружия при нем не нашли?

– Нет.

– Кто такой?

– Да я здесь живу, – сказал парень и сплюнул кровью.

– В какой квартире?

– Во второй.

– Проверим. Знаешь его? – Дмитрий показал на задержанного им беглеца.

– Впервые вижу.

– А ты его знаешь?

– Тоже впервые вижу.

– В отделение их, обоих, – распорядился Семенчук. – Но так, чтобы порознь.

В его словах был резон. Еще неизвестно, в каких отношениях состояли между собой задержанные – в нейтральных, дружественных или враждебных. Но в любом случае нельзя было предоставить им возможность сговориться между собой.

Миронов подошел к человеку, лежавшему на земле в неестественной позе. Похоже на труп. Он склонился над телом. Осмотрел рану. Типичный огнестрел, проникающее ранение в грудь. Лежит, не дышит. Точно, труп. На всякий случай Дмитрий приложил два пальца к шейной артерии потерпевшего. Кажется, есть пульс. Да, слабый пульс, теряющий-

ся, но есть.

– Живой! «Скорую» вызывайте!

Задержанных еще не увели. Миронов подошел к своему «подопечному».

– Просчитался ты, парень. Выжила твоя жертва. В чувство его приведут, снимут показания. Но еще не поздно. Со скидкой на твою молодость могу еще раз предложить тебе явку с повинной.

– А не в чем мне виниться.

– Как это не в чем? Ты убил человека.

– Из чего? Из пальца, что ли?

– Пистолет можно было выбросить.

– Куда?

– А куда угодно.

– Ну-ну…

– Так что, будем сознаваться?

– А не в чем…

– Что ж, твоя воля…

Капитан Миронов не желал терять даром время. Задержанных можно было оставить на потом, а вот Екатериной Кравцовской следовало заняться прямо сейчас. Из-за нее весь этот сыр-бор. Дмитрий готов был поклясться в этом перед портретом Дзержинского.

Но Екатерина и не думала впускать его в свой дом. А взламывать дверь он не решился. Гласность, перестройка, права человека. Да и нечем было ломать тяжелую дубовую дверь.

Нечем и ни к чему: и без того Кравцовская никуда от него не денется.

Глава 6

1

Ресторанная певица и впрямь никуда не делась. Миронов попал к ней домой на следующий день. С ордером на обыск. Злой, невыспавшийся. Но зло на девушке срывать не стал. Тем более что Екатерина не располагала к грубому общению с ней. Роскошная блондинка с красивыми дурманящими глазами. Было в ней что-то блудское… Да иначе и быть не могло. Добропорядочные девушки в дешевых ресторанах не поют. Может, и бывают исключения, но Дмитрий с ними не сталкивался.

– И что вы собираетесь у меня искать? – удивленно спросила Екатерина.

Видно, что и она провела бессонную ночь. Но выглядит достаточно свежо. При полном параде фифа. Прическа, косметика, губы вишневым цветом горят. И не «Красной Москвой» от нее пахнет, а дорогими французскими духами. Джинсы в обтяжку, маечка без лифчика под ней… Да, выглядела она соблазнительно. Дмитрий не мог этого не признать. Но вряд ли у нее что-то выйдет, если она решила соблазнить его.

– Если мою невинность, то ее здесь нет.

– Вашу невинность пусть ищут другие. А меня интересует пистолет, из которого был застрелен гражданин Кошелев.

Личность потерпевшего установили утром сегодняшнего дня. Операцию сделали ночью, она прошла успешно, но угроза для жизни не миновала. Сейчас потерпевший находился в реанимации. Без сознания. Поэтому допросить его не представлялось возможным. А может, такая возможность вообще не представится.

– Не знаю такого! – фыркнула Екатерина. – А пистолета у меня нет. Хоть обыщитесь, не найдете.

Она вела себя раскованно, с уверенностью человека, за которым нет никаких грехов. Или это действительно так, или она знает толк в лицедействе. Но в любом случае капитан Миронов не собирался отступаться от задуманного. Участковый привел понятых, оперативники из его отдела приступили к обыску. Миронов же продолжил разговор с Кравцовской.

– Боюсь вас огорчить, но у нас есть основания полагать, что вы причастны к покушению на жизнь гражданина Кошелева.

– Я же вам говорю, что не знаю такого.

– Гражданин Кошелев и Вадик Цепень – это одно и то же лицо.

– Кошелев-Цепень – какая ужасная фамилия!

– Цепень – это кличка.

– Ой, что вы говорите!

– Я бы на вашем месте не юродствовал.

– А что бы вы делали на моем месте?

– Чистосердечно бы во всем признался.

– Знаю я ваши ментовские примочки, – хмыкнула Екатерина. – Не первый год замужем.

– За кем?

– Только не надо придираться к словам! Вы сами прекрасно поняли, что я имела в виду.

– Не понял. Насколько я знаю, замужем вы не были никогда.

– Не надо понимать все буквально. Вот я же с юмором отношусь к вашей шутке насчет моей причастности к убийству.

Миронов с интересом посмотрел на нее. Надо же, как повернула разговор.

– Это не шутка. И обыск тоже не шутка.

– Да уж вижу. Как бы маму удар не хватил.

– А где ваша мама?

– На работе, где ж ей еще быть.

– А ночью она где была?

– Дома.

– А вы когда домой попали?

– Хотите спросить, почему я не открывала вам дверь?

– Допустим.

– А откуда я знала, что вы из милиции? Может, я думала, что вы бандит. И мама так думала.

– Она сама догадалась или вы ей это внушили?

Екатерина производила впечатление человека, который мог бы при желании даже бесенку внушить, что тот – ангелочек.

– А вам не все равно? Что вы ко мне в душу лезете? Сначала в дом влезли, затем в шкаф. Вам не стыдно, товарищ капитан, над бедной девушкой издеваться? Если вы чего-то хотите, так и скажите.

Она провела рукой по своим волосам, с блудными блестками во взгляде неторопливо опустила ее ниже, пальцами коснулась груди. Как бы невзначай коснулась. Но Дмитрий понял, на что она намекает. Вернее, делает вид, что намекает. Не тот у нее сейчас настрой, чтобы кокетничать с ним. Сейчас от этой фифы можно было ждать только провокации.

– Да, я хочу. Правду хочу от вас услышать.

– Хотеть не вредно.

– Вредно – меня злить.

– Ух, какой вы грозный!

– Итак, вчера ночью, в районе половины первого ночи, вы находились во дворе своего дома. Вместе с гражданином Любимовым.

– А это кто такой?

– Костя. Его зовут просто Костя.

– Ах, Костя! Любимов? А я и не знала, что у него такая фамилия. Любимов? Любимый Любимов! – звучно растягивая слова, с наслаждением произнесла Екатерина.

– Вы его любите?

– А это не ваше дело! – неожиданно резко ответила она.

Белая пушистая кошечка вдруг превратилась в хищную вздыбившуюся рысь.

– Мое! – так же резко отрезал Дмитрий.

– А мне кажется…

– Мне все равно, что вам кажется!

Его резкий тон приструнил Екатерину, заставил ее спрятать коготки. При всей развязности манер она относилась к числу тех женщин, которые легко попадают под влияние сильных мужчин. Это над слабыми они могут изгаляться сколько угодно. А Дмитрий никогда не был слабаком – ни перед женщинами, ни перед мужчинами. И ему вполне по силам было навязать Екатерине свою волю. Или хотя бы сделать ее покладистой.

– Итак, вместе с гражданином Любимовым вчера ночью вы находились во дворе своего дома…

Миронов сделал паузу в ожидании, что девушка вставит свое слово. Но Екатерина промолчала.

– Здесь вы столкнулись с Вадимом Кошелевым по кличке Цепень. Между вами состоялся конфликтный разговор, итогом чего стал выстрел, который произвел гражданин Любимов.

Екатерина продолжала молчать.

– Далее вместе с Любимовым вы попытались скрыться в подъезде своего дома. Вам это удалось, а Константин был за-

держан сотрудником милиции, то есть мной. Но перед этим он успел передать вам пистолет, из которого был произведен выстрел…

Дмитрий снова сделал паузу, на этот раз более продолжительную.

Он ждал комментариев со стороны девушки. Но та как воды в рот набрала.

– Что вы можете мне сказать по этому поводу? – спросил он.

– А что я могу сказать, – пожала она плечами. – Если все было так, как вы говорите, пусть так и будет. И если пистолет у меня, вы его найдете.

– Но вы бы могли отдать его мне добровольно.

– Как я могу отдать вам то, чего у меня нет? Нет у меня никакого пистолета. И Костя ничего мне не передавал.

– А он говорит, что пистолет у вас.

– Костя мог такое сказать?! – пренебрежительно фыркнула Екатерина. – Кого вы лечите, гражданин начальник! Костя не мог такого сказать!

– Почему вы так думаете?

– Да потому что Костя – настоящий мужик. Даром что молод. Всего-то двадцать лет…

– Если точнее, то восемнадцать, совсем недавно исполнилось.

– Вы шутите? – удивленно повела она бровью.

– Нисколько.

– Надо же. Но прибавить себе два года – это не вранье.

– А что вранье?

– А то, что Костя меня оговорил. Не мог он этого сделать. Не мог!

– А вот представьте себе!

– В том-то и дело, что не представляю. И представить себе не могу!

– Но тогда куда же он мог деть пистолет?

В этом вопросе был замаскирован хитрый крючок. И Екатерина на него попалась.

– Откуда я знаю?

– Может, он просто его выбросил?

– Может быть.

– Значит, вы предполагаете, что Костя мог выбросить пистолет после того, как произвел выстрел.

– Ничего я не предполагаю.

– Но выстрел он все же произвел.

– Кто вам такое сказал? – встрепенулась она.

– Да вы же и сказали. Вернее, навели на мысль.

– Не было ничего! Костя ни в кого не стрелял! Мы вообще в соседнем подъезде целовались. Слышим, выстрел, выходим, смотрим, человек лежит.

– Не надо хитрить, Екатерина. Не очень это хорошо у вас получается. Я-то знаю, что гражданина Кошелева убил Константин. И знаю, за что.

– Цепень – ублюдок и мразь!

– Охотно верю.

– И я рада, что его грохнули! Жаль, не знаю, кому спасибо сказать.

– А Косте своему и скажите.

– Он его не убивал!

– Напрасно вы его выгораживаете, Катя. Он во всем уже признался. А вы за дачу заведомо ложных показаний можете быть привлечены к уголовной ответственности. Сказать, сколько вам за это светит?

– Да хоть сто лет! Не убивал Костя никого! И пистолета у меня нет!

– Подумайте хорошенько, у вас еще есть время.

– Не убивал Костя. Не убивал! Все, больше ничего не скажу!

В последней фразе было столько пафоса, что ее можно было бы воспринять как дешевую браваду. Но Дмитрий не только слышал, но и видел. Казалось бы, Екатерина играет роль, но при этом в ее глазах светилась решимость стоять на своем до конца. И ведь не сдаст она Константина Любимова…

И сам Костя не торопился признавать свою вину. И Семенчук пытался его сломать, и сам Дмитрий, но парень твердо стоял на своем – не видел, не знаю. Правда, в его показаниях было расхождение с тем, что сказала Екатерина. Он утверждал, что после выстрела они зашли во двор с улицы, а не из соседнего подъезда. Но это всего лишь косвенные до-

казательства его вины. Это «белые нитки», которыми можно сшить дело, но не защитить его от развала в суде, а то и в прокурорском кабинете. Вот если бы Дмитрий обнаружил пистолет, из которого стрелял Любимов. Но не было орудия преступления. Вчера ночью патрульные обыскали весь двор, но ничего не нашли. И утром поиски не дали результата. Зато прокурор дал санкцию на обыск квартиры Кравцовской, но шло время, а победного рапорта все не было и не было.

Еще делу могли помочь свидетели. Но Екатерина не желала свидетельствовать. И задержанный вчера на месте преступления гражданин Саенко не хотел записываться в разряд свидетелей. Тоже ничего не видел, ничего не знает. Шел по улице, услышал выстрел, из любопытства заглянул во двор, а тут милиция, по глупости решил убежать… Похоже, парень был вместе с Цепнем. Если так, то расколоть его можно только фактами, которые пристегнут его к банде Кошелева. А пока это не случится, он будет все отрицать. Он же не дурак брать на себя убийства, к которым причастен Цепень. А там, считай, четыре трупа. И все блатота. Можно, конечно, попробовать провести воробья на мякине. Есть меры, которыми можно воздействовать на несговорчивых. Но пока что Дмитрия больше волновал пистолет, из которого ранен Цепень. А потом уже все остальное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.